МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ АКАДЕМИКА

Якова Карловича Грота

(1812—1893).

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

ПРЕДКИ, СЕМЬЯ и ДѢТСТВО.

СОСТАВИЛЪ

К. Я. Гротъ.

(Къ 100-лѣтней годовщинѣ рожденія академика 15 декабря 1912 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1912.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG2064
.G7
G76
1912

Глубокоуважаемому
Сергею Михайловичу
Лукьянову
в знак сожаления.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ АКАДЕМИКА

Якова Карловича Грота

(1812—1893).

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

ПРЕДКИ, СЕМЬЯ и ДѢТСТВО.

СОСТАВИЛЪ

К. Я. Гротъ.

(Къ 100-лѣтней годовщинѣ рожденія академика 15 декабря 1912 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1912.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1912 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XC, № 1.

Предки, семья и дѣтство Я. К. Грота.

I.

Пасторъ Іоакимъ Гротъ

дѣдъ Якова Карловича [1]).

Какъ извѣстно, дѣдъ Я. К. Грота, лютеранскій пасторъ, выдающійся проповѣдникъ въ Петербургѣ и ученый писатель, пользовавшійся неизмѣннымъ благоволеніемъ и сочувствіемъ императрицы Екатерины II, переселился въ Россію изъ Голштиніи въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны.

Іоакимъ (Якимъ, Ефимъ) Христіанъ Гротъ родился въ голштинскомъ городѣ Плонѣ или Плэнѣ (Plön) [2]), резиденціи гер-

1) О своемъ дѣдѣ покойный академикъ, кромѣ краткаго упоминанія о немъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ (Труды Я. К. Грота, т. V.), напечаталъ особое краткое извѣстіе въ «Сборн. отд. русск. яз. и слов.» 1868, т. V. (см. Труды, т. III, стр. 422—24). Главнымъ источникомъ ему служила автобіографическая замѣтка самого пастора въ III томѣ его большого труда «Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russ. Reiche» (St. Petersb. 1798, S. 42—50). Повидимому онъ не пользовался обстоятельной и сочувственной статьей о пасторѣ Гротѣ (съ его характеристикой) его друга пастора I. Буссе, помѣщенной въ «K. G. Sonntag's Aufsätze und Nachrichten für protestantische Prediger im Russischen Reiche», I Bandes 1 Hälfte, Riga, 1811, s. 67—101, значительно дополняющей извѣстія другихъ печатныхъ источниковъ, на которую мы ниже не разъ будемъ имѣть случай ссылаться.

Настоящій очеркъ составленъ на основаніи всѣхъ имѣющихся у меня матеріаловъ печатныхъ и рукописныхъ, русскихъ и нѣмецкихъ, а также сочиненій самого пастора Грота.

2) Городъ Плона (Plona, Pluna) былъ когда-то древнимъ славянскимъ поселеніемъ съ крѣпкимъ княжескимъ градомъ въ землѣ Вагровъ, вѣтви прибалтійскаго племени Бодричей. Здѣсь въ 1105 г. былъ убитъ извѣстный славянскій князь Крукъ. Въ 1139 Плона была взята Голштинцами и началось ея онѣмеченье.

цогства Holstein-Plön, 14 іюня 1733 г. Въ метрической книгѣ церкви стараго города (Altstädtische Kirche) за этотъ годъ (стр. 252, № 330) значится, что 17 іюня былъ крещенъ родившійся у мѣстнаго герцогскаго адвоката и фискала Христіана Грота и его жены Елизаветы Екатерины Доротеи—сынъ Іоакимъ Христіанъ. Мать его была дочерью придворнаго проповѣдника (Hofprediger) Іоакима Шмиттена.

Среднее образованіе Якимъ Гротъ получилъ въ мѣстномъ первокласномъ учебномъ заведеніи (Breitenauische Schule), главнымъ образомъ подъ руководствомъ извѣстнаго тогдашняго педагога, ректора Эрнста Альберти изъ Гамбурга, который не только упражнялъ своихъ учениковъ въ письменныхъ работахъ (сочиненіяхъ) и руководилъ въ изученіи языковъ: латинскаго, греческаго, еврейскаго и французскаго, но также знакомилъ ихъ съ логикой и философіей по основнымъ началамъ Вольфа. Какъ и въ новѣйшее время, въ тогдашней школьной программѣ было много лишняго и обременительнаго, въ жизненномъ отношеніи безполезнаго. Гротъ впослѣдствіи часто жаловался на то, какъ его непроизводительно мучили въ школѣ латинской просодіей и еврейскимъ слогоудареніемъ. Однако-жъ классическіе языки онъ зналъ порядочно и умѣлъ говорить по-латыни, насколько это было обычно среди тогдашнихъ ученыхъ. Вообще онъ любилъ изучать иностранныя языки, а любимымъ его языкомъ впослѣдствіи былъ французскій.

Въ 1751 г. Гротъ, 18-ти лѣтъ, ища высшаго образованія, поступилъ въ Іенскій университетъ, при содѣйствіи своего дяди (со стороны матери) Шмиттена, тогдашняго пастора при Датскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Какъ видно изъ перечня университетскихъ учителей (профессоровъ), приводимаго Гротомъ, онъ прошелъ здѣсь курсъ слѣдующихъ предметовъ: философскихъ наукъ, математики, «камеральной науки» (проф. Darjes), научной исторіи (проф. Fabricius), естествовѣдѣнія (проф. Hamberger), краснорѣчія (Blaufuss), богословскихъ наукъ (Reusch), еврейскаго языка (Hirt), экзегетики (Zenkel) и церковной исторіи (Zickler).

Jacob Tome. April 1892 æ.

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/materialydliazhi008800

Въ 1753 г. Гротъ вернулся въ свой родной городъ, гдѣ его принялъ послѣ соотвѣтственнаго испытанія кандидатомъ на должность проповѣдника тогда знаменитый, также и какъ писатель, суперинтентентъ Гансенъ (Hanssen). Затѣмъ онъ занимался частнымъ преподаваніемъ во многихъ дворянскихъ семьяхъ въ г. Килѣ и въ его сосѣдствѣ и состоялъ членомъ Кильскаго «Общества изящныхъ наукъ», въ изданіяхъ котораго принималъ живое участіе.

Въ 1758 г., въ эпоху семилѣтней войны, онъ, по чьей-то вліятельной рекомендаціи (вѣроятно изъ близкихъ ему голштинскихъ придворныхъ сферъ) былъ приглашенъ домашнимъ пасторомъ къ тогдашнему русскому губернатору въ Кенигсбергѣ, генералъ-аншефу барону Николаю Андреевичу Корфу, тому самому, что̀ ѣздилъ въ 1742 г. въ Голштинію за наслѣдникомъ русскаго престола Петромъ Федоровичемъ. Такъ какъ однако этотъ планъ пасторства у Корфа встрѣтилъ какія-то затрудненія, то Гротъ принялъ на себя секретарскія у него обязанности. Здѣсь между прочимъ онъ имѣлъ возможность расширить свои познанія, особенно во французскомъ языкѣ[1]). Онъ нашелъ здѣсь вообще благопріятныя условія для своего умственнаго и нравственнаго развитія и для удовлетворенія своихъ духовныхъ интересовъ: онъ завелъ знакомства въ университетскомъ мірѣ, между прочимъ съ бывшимъ тогда приватъ-доцентомъ знаменитымъ философомъ Кантомъ. Онъ не разъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ скрасило его тогдашнюю жизнь въ Кенигсбергѣ дружеское общеніе съ Кантомъ, а также съ извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ-юмористомъ и юристомъ Гиппелемъ[2]).

---

1) Въ извѣстныхъ запискахъ Болотова (Записки А. Т. Болотова, т. I, Спб. 1875, письма 62, 63 и слѣд., стр. 730) въ числѣ секретарей бар. Корфа имени Грота мы впрочемъ не встрѣчаемъ; это и объяснимо тѣмъ, что Гротъ былъ собственно призванъ къ Корфу для пасторскихъ обязанностей и лишь вслѣдствіе неосуществимости этого плана исполнялъ секретарскія; но, безъ сомнѣнія, Болотовъ не могъ всеже не знать Грота.

2) Пасторъ I. Busse о Гротѣ («Ioachim Christian Grot»—въ K. G. Sonntags Aufsätze u. Nachrichten für protest. Prediger im Russ. Reiche (Riga, 1811), S. 70.

Къ пребыванію Грота въ Кенигсбергѣ относится еще одно случайное извѣстіе о немъ, передаваемое Шлёцеромъ [1]), а именно, что онъ познакомился тамъ съ будущимъ могущественнымъ Фаворитомъ, тогда поручикомъ Григоріемъ Орловымъ, приставленнымъ послѣ Цорндорфской битвы (гдѣ онъ отличился и былъ раненъ) къ адъютанту прусскаго короля гр. Шверину, взятому въ плѣнъ въ этомъ сраженіи (12 авг. 1758 г.) и препровождавшемуся въ Петербургъ (въ мартѣ 1759 г.) [2]). По словамъ Шлёцера, І. Х. Гротъ частенько игрывалъ тогда на билліардѣ съ поручикомъ Орловымъ, о чемъ впослѣдствіи Фаворитъ и сановникъ не разъ вспоминалъ благосклонно при встрѣчахъ съ нимъ. Возможно, что Гротъ, какъ секретарь Корфа, владѣвшій хорошо языками, былъ приставленъ къ гр. Шверину во время его пребыванія въ Кенигсбергѣ, а потому и имѣлъ случай часто проводить время съ Григ. Орловымъ. Въ Кенигсбергѣ Гротъ прожилъ года два, а въ 1760 г. судьба привела его въ Петербургъ, куда его повидимому взялъ съ собой получившій тогда новое назначеніе бар. Корфъ и гдѣ онъ и поселился окончательно: Россія стала его второй родиной. Ему минуло тогда 27 лѣтъ.

Намъ точно не извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ совершилось это переселеніе, но изъ словъ самого Грота (въ его автобіографіи), что онъ поѣхалъ домашнимъ учителемъ въ семью овдовѣвшей генеральши Корфъ, можно заключить съ большою вѣроятностью, что это мѣсто онъ получилъ черезъ своего Кенигсбергскаго начальника и что эта вдова Корфъ была родственницей послѣдняго [3]). Пробывъ въ семьѣ Корфъ два

---

1) A. L. Schlötzer's öffentl. u. privat-Leben, von ihm selbst beschrieben, Göttingen, 1802, стр. 186.

2) См. Записки А. Т. Болотова (1875) т. I, стр. 840, 845. Бильбасовъ, Исторія Екатер. II., т. I. стр. 394. См. также Helbig, «Russische Günstlinge» Tüb. 1809. стр. 262.

3) Самъ Н. А. Корфъ, женатый во 2-мъ бракѣ на гр. Е. К. Скавронской († 1757) сестрѣ А. К. Воронцовой и двоюродной сестрѣ Императрицы Елизаветы Петровны, умеръ въ 1766 г. Въ 1758 г. скончался генералъ-поручикъ Григ. Ив. Корфъ. Не къ его ли вдовѣ поступилъ Гротъ?

года, Гротъ въ 1762 г. перешелъ на такую же должность въ Нарву къ гофмаршалу Dücker'у. Этими годами учительства онъ воспользовался для продолженія самообразованія, особенно для изученія италіанскаго языка, не оставляя мысли о пасторствѣ, въ чемъ видѣлъ свое призваніе и къ чему чувствовалъ непреодолимое влеченіе. Между тѣмъ за эти первые годы пребыванія Грота въ Россіи онъ успѣлъ уже получить рядъ предложеній — именно въ смыслѣ его стремленій къ духовному поприщу, и одно изъ нихъ, наиболѣе для него привлекательное и почетное, и было имъ принято.

Въ 1761 г. его приглашали на должность преподавателя въ пушкарскую (т. е. артиллерійскую) школу и вмѣстѣ проповѣдника (Nachmittagsprediger), а въ 1762-мъ онъ получилъ предложеніе ѣхать пасторомъ въ Сибирь съ генералъ-лейтенантомъ И. И. Шпрингеромъ (назначеннымъ комендантомъ Омской крѣпости). Но онъ отклонилъ и то и другое: первое—какъ онъ самъ говоритъ — потому, что соединеніе означенныхъ двухъ обязанностей не было ему по душѣ, да и казалось ему непосильнымъ, а второе—вслѣдствіе нежеланія забираться въ такую даль. Не задолго до воцаренія Екатерины II, т. е. до переворота, устранившаго съ престола Петра III и возведшаго на него Великую Екатерину, Іоакимъ Гротъ, повидимому еще до своего поступленія на педагогическую должность (къ Дюккеру) въ Нарву, состоялъ нѣкоторое время полковымъ пасторомъ при Голштинскомъ полку. На этомъ эпизодѣ въ жизни его нельзя не остановиться, хотя къ сожалѣнію никакихъ болѣе точныхъ и подробныхъ извѣстій о немъ мы и не имѣемъ.

Какъ голштинецъ родомъ, сынъ герцогскаго адвоката и внукъ придворнаго пастора, попавшій вѣроятно благодаря этому на службу къ бар. Корфу, лицу близкому къ престолу и къ Петру III, который имъ, Корфомъ, былъ привезенъ въ Россію, Гротъ, по смерти въ дек. 1961 г. императрицы Елизаветы Петровны и со вступленіемъ на престолъ питавшаго особую слабость ко всему голштинскому Петра III-го, могъ безъ сомнѣнія рас-

читывать на высокое покровительство и на успѣшное достиженіе своихъ желаній.

Выборъ его въ пасторы «Голштинскаго» полка уже свидѣтельствуетъ о вниманіи, которое ему было оказано со стороны императора Петра III. Извѣстно, что послѣдній для своего Голштинскаго полка построилъ даже лютеранскую церковь въ Ораніенбаумѣ. Очевидно голштинскія симпатіи несчастнаго Петра III не могли не обѣщать успѣха и значенія Гроту. Не даромъ послѣдній уже подъ конецъ жизни (въ 1797 г.), въ посвященіи одного изъ сочиненій своихъ императору Павлу Петровичу выразился о себѣ, какъ о дѣятелѣ, «которому, какъ рожденному голштинцу 35 лѣтъ передъ тѣмъ (т. е. въ 1762 г.), казалось, открывались самыя счастливые виды, и который все-же, хоть онъ и увидѣлъ ихъ исчезновеніе, былъ въ этомъ второмъ своемъ отечествѣ призванъ на занимаемый имъ постъ»[1]). Однакожъ всѣмъ планамъ Петра наступилъ быстрый конецъ, ибо іюньскій переворотъ измѣнилъ все, и Голштинское войско должно было спѣшно оставить Россію.

По вступленіи на престолъ Екатерины II, Гротъ оставался еще нѣкоторое время домашнимъ наставникомъ въ Нарвѣ въ домѣ гофмаршала Дюккера. Какъ здѣсь, такъ въ другихъ мѣстахъ своего пребыванія онъ время отъ времени выступалъ на проповѣдническую каѳедру, по просьбѣ того или другого пастора. Въ 1764 г. онъ, по приглашенію изъ Киля, чуть было не рѣшился принять профессорскую каѳедру краснорѣчія и поэзіи въ Кильскомъ университетѣ. Но какъ разъ въ то же время въ Петербургѣ открылась для него другая перспектива. Скончался пасторъ лютеранской церкви на Васильевскомъ островѣ Конр. Мейнтель. Его преемникомъ молва называла нарвскаго пастора и школьнаго преподавателя г. Ланге, на мѣсто ко-

1) «Beitrag zum Nachdenken über wichtige Vorfälle unsers Zeitalters in einigen Religionsvorträgen» 1797. St. Petersb. u. Leipzig, in der Dykischen Buchhandlung.

тораго въ Нарвѣ имѣли въ виду пригласить Грота и даже послали ему запросъ о согласіи его на это. Гротъ уѣзжалъ въ это время на нѣсколько мѣсяцевъ въ Эстляндію. Одновременно съ этимъ запросомъ онъ получилъ еще другой изъ Петербурга, сперва частнаго характера, а затѣмъ, по его желанію — офиціальный, не пріѣдетъ ли онъ въ Петербургъ для произнесенія пробной проповѣди въ лютеранской церкви на Васильевскомъ островѣ.

Отложивъ свой отвѣтъ на нарвское предложеніе, Гротъ не могъ не отозваться утвердительно на петербургское, представлявшее ему очень привлекательную перспективу. Послѣ пробной проповѣди въ Петербургѣ онъ дѣйствительно былъ избранъ приходомъ и приглашенъ туда. Такимъ образомъ послѣ посвященія онъ и вступилъ на каѳедру Василеостровской церкви, уже при немъ получившей названіе Екатерининской (при постройкѣ каменнаго храма). Свою вступительную проповѣдь онъ сказалъ 12 дек. 1764 г. въ 3-ье воскресенье Филиппова поста. У Грота въ Петербургѣ тогда уже были хорошіе и вліятельные друзья, напр. акад. Эйлеръ, знаменитый историкъ Шлёцеръ и библіографъ Л. И. Бакмейстеръ, изъ которыхъ два послѣдніе дѣятельно помогли его избранію. Шлёцеръ такъ разсказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи: «Бакмейстеръ и я нѣсколько способствовали тому, что прибыльный приходъ достался Гроту; мы ходили изъ дома въ домъ къ тѣмъ нѣмцамъ, которые должны были подать свой голосъ, и высказывались о несомнѣнности того, что на сторонѣ Грота большинство прихожанъ. И дѣйствительно оно оказалось въ его пользу. Я остался въ тѣсной пріязни съ нимъ и часто пользовался его столомъ и экипажемъ»[1]).

Такимъ образомъ Іоакимъ Гротъ достигъ наконецъ завѣтной цѣли своихъ стремленій, и ставъ пасторомъ и проповѣдникомъ въ Василеостровскомъ приходѣ въ 1764 г., въ молодомъ еще возрастѣ (31 года), съ честью занималъ этотъ постъ 35 лѣтъ до

1) A. L. Schlözers öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst geschrieben, I. Göttingen, 1802, стр. 186.

самой своей смерти въ дек. 1799 г., ставъ подъ конецъ «сеніоромъ» петербургскаго протестантскаго духовенства. Тутъ началась и протекла вся его проповѣдническая, общественная и учено-писательская дѣятельность [1]).

Въ 1766 г., слѣдовательно 33-хъ лѣтъ, онъ женился на Христинѣ Сусаннѣ Энгельгардъ, третьей дочери уже покойнаго тогда доктора медицины и директора сухопутнаго госпиталя Николая Фридриха Энгельгардта [2]), котораго сынъ, т. е. шуринъ Якима Грота, Николай Николаевичъ, по странному капризу судьбы, принималъ, какъ извѣстно, непосредственное участіе вмѣстѣ съ братьями Орловыми въ переворотѣ 1862 года и въ устраненіи отъ престола Петра III-го. Онъ былъ отданъ отцомъ въ военную службу, въ 1761 г. сталъ сержантомъ гвардіи и такимъ образомъ попалъ въ товарищи къ Орловымъ, которые, привлекши его въ число сторонниковъ Екатерины II, рекомендовали его императрицѣ, какъ отважнаго и рѣшительнаго человѣка. Онъ и принялъ ближайшее участіе въ ихъ дѣлѣ и, снискавъ тѣмъ благоволеніе государыни, сдѣлалъ свою дальнѣйшую карьеру, достигнувъ чина генералъ-лейтенанта и подъ конецъ поста Выборгскаго губернатора (онъ умеръ въ концѣ 1770-хъ или въ началѣ 1780-хъ гг.) [3]). Можно предположить, что Гротъ сошелся съ семьей Энгельгардтовъ черезъ Орловыхъ-же, такъ какъ съ Григоріемъ О., какъ мы видѣли, былъ знакомъ еще по Кенигсбергу. Отъ этого брака

---

1) Какъ проповѣдникъ съ церковной каѳедрѣ, Гротъ, подобно вообще людямъ его профессіи, имѣлъ самый большой успѣхъ въ молодыхъ своихъ годахъ, когда церковь едва могла вмѣстить всѣхъ стремившихся изъ всѣхъ частей города слушать любимаго пастора. Съ годами онъ терялъ свой молодой пылъ, а нѣкоторая сухость, склонность къ слишкомъ большой точности, къ строгой схемѣ и риторичности въ своихъ проповѣдяхъ, дѣлали его бесѣды болѣе утомительными; онъ не могъ въ той же мѣрѣ дѣйствовать на слушателей, хотя самъ въ душѣ глубоко чувствовалъ и волновался. См. Буссе о немъ, въ цитованной статьѣ, стр. 82—3 и слѣд.

2) Николай-Фридрихъ Энгельгардъ (изъ вѣтви этого рода, оставшейся въ Швейцаріи) переселился въ Россію въ первой полов. XVIII в.

3) Helbig. Russische Günstlinge, Tübingen, 1809 I, стр. 318—326. Срв. Бильбасовъ, Ист. Екат. II, т. II, (Спб. 1891), стр. 115—116.

у Якима Грота было двое дѣтей: сынъ Карлъ Христіанъ (Карлъ Ефимовичъ), отецъ Якова и Константина Карловичей, и дочь Амалія, бывшая замужемъ за К. Липкомъ. Въ 1783 г. пасторъ Гротъ овдовѣлъ и черезъ 2 года, въ 1785 г., женился вторично на дочери Бременскаго купца Маріи Бушеръ.

Свыше 35-лѣтняя дѣятельность Грота въ Россіи, не только пасторско-проповѣдническая, но и учено-литературная, а также общественная, оставила замѣтный слѣдъ какъ въ исторіи той сферы культурной и общественной жизни, въ которой онъ дѣйствовалъ, такъ и въ соотвѣтственныхъ областяхъ науки и литературы. Дѣятельность его, глубоко проникнутая религіозностью и высоко-нравственнымъ направленіемъ, началами истинной гуманности и терпимости и культурно-прогрессивными стремленіями, снискала ему любовь, искреннее уваженіе современниковъ и свѣтлую память въ потомствѣ, а его научные и литературные труды создали ему почетную извѣстность въ ученой литературѣ, такъ что имя его занесено не только въ современные нѣмецкіе словарные, біографическіе и библіографическіе, труды (напр. Кордеса, Мейзеля, Бакмейстера, Рекке и Наперскаго), но и въ извѣстный словарь русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія (перепзд. Снегиревымъ, т. I) [1]).

І. Х. Гротъ за свою жизнь написалъ много, и его печатные труды представляютъ нѣсколько томовъ проповѣдей, историческихъ изслѣдованій, а также духовныхъ пѣсенъ. Именно въ этихъ трехъ областяхъ: проповѣдпической, учено-исторической и духовно-литературной вращалась его писательская дѣятельность. Но прежде, чѣмъ обозрѣвать это литературное его наслѣдіе, сообщимъ то, правда, немногое, но характерное, что̀ извѣстно о его общественной дѣятельности, по большей части связанной съ его пасторскимъ служеніемъ.

1) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, доп. къ словарю духовн. писат. митрополита Евгенія, изд. И. Снегирева, т. I, М. 1835, стр. 351—352, срв. А. Ѳ. Бычкова, «О рукописи словаря русскихъ писателей». Сборникъ отд. русск. яз. и сл., V. стр. 282.

Конечно, религіозныя и нравственныя темы составляли главную сущность пасторскихъ бесѣдъ и проповѣдей І. Х. Грота. Но этими темами не исчерпывался кругъ тѣхъ задачъ, которымъ — по убѣжденіямъ его — должна была служить церковная каѳедра. Онъ смотрѣлъ шире на свое призваніе и считалъ не только позволительнымъ, но и соотвѣтственнымъ гражданскому своему долгу — касаться злободневныхъ и животрепещущихъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, освѣщая ихъ съ религіозно-нравственной стороны и горячо призывая общество къ тому или другому благому дѣлу, или предостерегая его отъ увлеченій и опасностей. Одна изъ послѣднихъ его печатныхъ работъ между прочимъ имѣла въ виду, повидимому, принципіально обосновать его взглядъ на пастырское призваніе. Изданіе его рѣчей политическаго характера носитъ заглавіе: «Матеріалы для размышленія о важныхъ событіяхъ нашего вѣка, въ проповѣдяхъ» и заключаетъ въ себѣ предисловіе о вопросѣ: «можно ли съ церковной каѳедры говорить о гражданскихъ дѣлахъ»[1]).

Первое мѣсто среди такихъ темъ общественнаго и вмѣстѣ государственнаго значенія въ проповѣдяхъ Грота занимаетъ спеціальный вопросъ о проникавшемъ въ то время въ предѣлы Россіи *оспопрививаніи*, котораго убѣжденнымъ и ревностнымъ сторонникомъ и пропагандистомъ онъ и выступилъ съ 1769 г. въ 11-ти послѣдовательно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сказанныхъ проповѣдяхъ. Эти проповѣди, выходившія въ печати и отдѣльно, изданы имъ затѣмъ вмѣстѣ въ 1781 г. въ I томѣ его проповѣдей «Peterburgische Kanzelvorträge» (Leipzig u. Riga) и имѣютъ еще слѣдующій титулъ: «Проповѣди объ оспопрививаніи, вызванныя ежегоднымъ благодарственнымъ торжествомъ по случаю его счастливаго исхода у Ея Имп. Вел. Екатерины II и Его Имп. Высочества Павла Петровича, съ присоединеніемъ

1) St.-Petersb. u. Leipzig 1797. Разумѣется, Гротъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно.

матеріаловъ къ исторіи оспопрививанія въ Россіи, и приложенія о смертности отъ оспы въ Петербургѣ — для изслѣдованія вопроса о ея безвредности въ Россіи»[1]). Оспопрививаніе тогда только-что входило у насъ, но очень туго, въупотребленіе. Къ нему относились съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ; оно имѣло ярыхъ противниковъ, даже и въ нѣмецкомъ петербургскомъ обществѣ, и раздавались голоса (и въ печати), порицавшіе пропаганду и защиту этого метода съ церковной каѳедры, но глубокая убѣжденность въ его спасительности, просвѣщенность взглядовъ и гражданское мужество пастора Грота заставили его энергично выступить съ высоты своей каѳедры съ защитой и горячей пропагандой этого благодѣтельнаго средства противъ гибельнаго бича, представляемаго оспенной эпидеміей.

Первые благопріятные опыты прививки оспы были произведены въ Лифляндіи и въ Петербургѣ въ 1768 г. Въ Лифляндіи д-ръ Шулинусъ совершилъ въ теченіе 8 лѣтъ прививку оспы 1023 дѣтямъ, изъ которыхъ умеръ только одинъ. Въ Петербургѣ первые счастливые опыты были сдѣланы на 10 дѣтяхъ въ сентябрѣ 1768 г. и вслѣдъ затѣмъ сама императрица Екатерина, убѣжденная въ пользѣ этого новаго метода, желая показать благой и авторитетный примѣръ своимъ подданнымъ, дала привить оспу себѣ и своему сыну вел. кн. Павлу Петровичу. Вскорѣ послѣ того было учреждено на Петербргской сторонѣ общественное заведеніе для оспопрививанія, куда стали обращаться все чаще и гдѣ каждый ребенокъ содержался до выздоровленія на счетъ государыни. Однако жъ недовѣріе и предубѣжденіе были еще сильны, и энергическая, убѣдительная, изъ года въ годъ (съ ноября 1769 г.) проповѣдь пастора Грота, хотя бы для извѣстнаго слоя населенія,

1) «Kanzelvorträge über die Blattereinimpfung, veranlasst durch das jährliche Dankfest wegen ihres glücklichen Erfolgs an Ihro Kaiserliche Majestät Katharina der Zweiten und an Sr. Kaiserlichen Hoheit Paul Petrowitsch, nebst einem Beytrage zur Geschichte der Blattereinimpfung in Russland, und einem Anhange über die Tödtlichkeit der Pocken in Petersburg, zur Untersuchung der Frage über ihre Unschädlichkeit in Russland».

не могла не имѣть значенія и не сыграть своей роли — тѣмъ болѣе, что Гротъ не ограничивался голословной защитой новаго средства и увѣщаніями, а основывалъ свои выводы и положенія на приводимыхъ имъ данныхъ науки и опыта авторитетныхъ медиковъ и изслѣдователей, пріобрѣвшихъ славу въ этомъ вопросѣ въ Англіи, Франціи, Германіи, Швеціи и Россіи. Ко всѣмъ его рѣчамъ приложены примѣчанія съ ссылками на труды этихъ ученыхъ авторитетовъ[1]) и на разныя печатныя извѣстія и матеріалы.

В. А. Бильбасовъ въ своей «Исторіи Екатерины Второй» (т. XII), давая отзывъ о печатномъ изданіи 1-ой проповѣди І. Х. Грота о благѣ оспопрививанія (произнесенной 21 ноября 1769 г., въ день чествованія привитія оспы Екатеринѣ и Павлу Петр.) говоритъ о значеніи этихъ выступленій слѣдующее: «Всякое содѣйствіе въ этомъ отношеніи было въ то время крайне необходимо, и церковное слово уважаемаго пастора было, вѣроятно, не менѣе плодотворно, чѣмъ примѣръ императрицы. Въ то время «проповѣдь объ оспопрививаніи» была настолько новостью, что авторъ счелъ долгомъ въ довольно пространной Vorrede защитить избранную имъ тему для проповѣди. Три года подъ-рядъ (гораздо дольше, какъ доказываетъ число рѣчей) проповѣдникъ возвращался къ этой темѣ 21 ноября. Въ первой разсматриваемой проповѣди онъ говорилъ о пользѣ оспопрививанія «aus allgemeinen Gründen», въ слѣдующемъ 1770 году — «aus besonderen Gründen», а въ 1771 г. — «in Ansehung der Pflichten gegen Gott». Замѣчательно, что изъ всѣхъ трехъ проповѣдей только во второй, въ примѣчаніи, упоминается одинъ разъ Димсдэль, между тѣмъ какъ Heusler и Jänisch положены въ основу проповѣдей; очевидно авторъ отдаетъ предпочтеніе способу названныхъ нѣмецкихъ ученыхъ передъ системою прививки Димсдэля, сочине-

1) Имъ приводится списокъ 41 сочиненія, которыми онъ пользовался. Подробную рецензію на изданіе этихъ проповѣдей, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и приложеній къ нимъ, далъ Бакмейстеръ въ своей «Russische Bibliothek», VII т. (1781 г.), DCCVI, стр. 488—515.

ніе котораго было въ то время переведено уже на всѣ языки. Во всѣхъ 3-хъ проповѣдяхъ оцѣнивается по достоинству «подвигъ Екатерины»[1]).

Большую заслугу Грота въ этомъ важномъ для общества и государства дѣлѣ не могла не признать сама Екатерина, которой («Der Grossen Frau») онъ, какъ всего больше послужившей своимъ высокимъ личнымъ примѣромъ распространенію спасительнаго медицинскаго открытія, посвятилъ изданіе этихъ своихъ проповѣдей[2]). Она по собственному побужденію захотѣла засвидѣтельствовать почетнымъ отличіемъ свое къ нему благоволеніе и признательность, и пожаловала ему большую золотую медаль, отчеканенную въ память турецкой войны и Кучукъ-кайнарджійскаго мира (1775).

Благоволеніе императрицы къ пастору Гроту было проявлено еще и другимъ образомъ. Екатерина, столь заботившаяся о воспитаніи своихъ внуковъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, придавала большое значеніе раннему усвоенію ими практическаго знанія иностранныхъ языковъ, что̀ видно и изъ знаменитой ея «инструкціи», составленной и данной для руководства воспитателю вел. княз. князю Н. И. Салтыкову. Здѣсь имѣются, между прочимъ, такія указанія: «языкамъ не иначе учить, какъ разговаривая съ ними на тѣхъ языкахъ (но чтобъ притомъ не позабывали своего языка русскаго)», и далѣе: «молодые люди, къ нимъ приставленные..., играя, могутъ иногда дать дѣтямъ такое знаніе, какое отъ приставниковъ не такъ скоро перенять бы могли».... «Языкамъ учить такъ, чтобъ изъ приставниковъ одинъ говорилъ съ Ихъ Высочествами по-нѣмецки, другой по-французски, а другіе по-русски»[3]). Императ-

1) Исторія Екатерины II. Обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ II (1744—1796) т. XVI, ч. I. Берлинъ, (1897), стр. 110—111, срв. еще стр. 132 и 143.

2) При этомъ онъ выразилъ Государынѣ свою мечту, чтобъ его трудъ былъ переведенъ и на русскій языкъ (см. его посвященіе въ книгѣ). Къ сожалѣнію, эта мысль осталась неосуществленной.

3) См. эту Инструкцію—въ кн. «Записки о жизни ген.-фельдмарш. кн. Н. И. Салтыкова», изд. П. Свиньинымъ. Спб. 1818, стр. 66, 90—97 etc.

рица сама заботилась о примѣненіи на дѣлѣ своихъ мыслей и воспитательныхъ пріемовъ, и согласно ея желанію къ великимъ князьямъ были приглашаемы ихъ сверстники, хорошо владѣвшіе иностранными языками для совмѣстныхъ игръ и разговоровъ. Въ числѣ такихъ юношей былъ приглашенъ ко двору — по волѣ императрицы — и сынъ пастора Грота, Карлъ (отецъ Якова Карловича), которому тогда (въ половинѣ 1780-хъ годовъ) было лѣтъ 14—15 и который уже въ самые юные свои годы, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, особенно къ языкамъ, прекрасно владѣлъ, кромѣ русскаго, нѣмецкимъ (какъ своимъ отеческимъ) и французскимъ языками. Объ этомъ фактѣ имѣется упоминаніе самой императрицы въ ея письмахъ къ Гримму [1]).

Кромѣ злободневнаго тогда вопроса о пользѣ и законности оспопрививанія, пасторъ Гротъ отзывался въ своихъ проповѣдяхъ на разные другіе современные вопросы, явленія и событія государственнаго и политическаго значенія: у него напр. есть цѣлый рядъ такихъ проповѣдей общественно-политическаго характера, направленныхъ противъ современныхъ ему революціонныхъ движеній (по поводу событій во Франціи) и предостерегающихъ общество и народъ отъ соблазновъ и увлеченій народовластія. Таковыя его рѣчи отчасти были издаваемы отдѣльно, а затѣмъ главнѣйшія были соединены и съ посвященіемъ импер. Павлу Петровичу вышли въ 1797 г. подъ заглавіемъ «Матеріалы для размышленія о важныхъ событіяхъ нашего вѣка въ проповѣдяхъ» [2]). Сюда вошли, послѣ предисловія, устанавливающаго принципіально законность трактованія такихъ темъ съ церковной ка-

---

1) См. Сборн. Имп. Р. Истор. Обществъ, т. XXIII стр. 297—8. Упоминая о приглашеніи юноши для нѣм. языка, императрица впрочемъ не называетъ его по имени. Письмо къ Гримму отъ 28 марта 1784: «M. Laharpe va être un de ceux qui seront mis auprès du dit M. Alexandre avec ordre de parler avec lui francais; un autre a la commission de parler allemand». Здѣсь примѣчаніе о сынѣ пастора Грота.

2) Beytrag zum Nachdenken über wichtige Vorfälle unsers Zeitalters in einigen Religionsvorträgen («Seiner Kays. Majestät dem grossen Herrn Paul dem Ersten») St.-Petersburg und Leipzig. 1797.

ѳедры, слѣдующія рѣчи: 1) «Ужасныя послѣдствія необузданности простого народа; 2) Божье провидѣніе при заключеніяхъ мира между народами» (на торжествѣ 2 сент. 1793 г. по случаю заключеннаго 29 дек. 1791 г. мира съ Турціей); 3) «Божье провидѣніе въ горестныхъ судьбахъ народовъ» (1794); «Ужасныя послѣдствія превратно понимаемой народной свободы». (тоже 1794 г.)[1]).

Цѣлый рядъ другихъ проповѣдей пастора Грота, которыя— по выраженію Бакмейстера въ его упомянутой резолюціи—«или имѣли, подобно рѣчамъ объ оспопрививаніи, особый поводъ, или касались предметовъ, рѣдко обсуждаемыхъ съ церковной каѳедры», которыя при этомъ «отвѣчали потребностямъ времени и которыхъ изданіе имѣло цѣлью распространеніе дѣятельнаго христіанства», вошли во II-ой томъ его собранія проповѣдей «Petersburgische Kanzelvorträge», вышедшій въ 1782 г. (St. Petersburg, Riga u. Leipzig) и имѣющій еще подзаглавіе: «Проповѣди о наставленіяхъ религіи, избранныхъ согласно потребностямъ времени и обстоятельствъ»[2]).

Общественная дѣятельность Якима Грота не исчерпывалась однако его пасторскимъ служеніемъ (проповѣдью изустною и печатною). Онъ и другими путями старался оказывать пользу и помощь ближнимъ и всему обществу, идя всегда съ вѣкомъ въ культурныхъ задачахъ и начинаніяхъ. Имъ было основано *первое* у насъ общество страхованія жизни въ видѣ особыхъ кассъ, сперва при Екатерининской церкви[3]). Эта крупная заслуга отмѣ-

1) «Die schrecklichen Folgen von der Zügellosigkeit des niedern Volks». «Die Vorsehung Gottes bei den Friedenschlüssen der Völker». «Die Vorsehung Gottes bey den traurigen Schicksalen der Völker». «Die fürchterlichen Folgen der missverstandenen Volksfreyheit».

2) «Kanzelvorträge über Religionslehren, die nach den Bedürfnissen der Zeit und der Umstände ausgewählt sind».

3) Любопытно то, какимъ образомъ Гротъ былъ подвинутъ къ этому дѣлу. Объ этомъ такъ разсказываетъ его другъ, пасторъ Буссе: Въ 1774 г. нѣкоторые члены одной изъ массонскихъ ложъ, къ которымъ самъ онъ разумѣется вовсе не принадлежалъ (ибо никогда не былъ массономъ), возымѣли идею учрежденіемъ подобной страховой кассы поставить ложу на твердую ногу.

чена авторомъ русской статьи о Гротѣ въ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» (Митр. Евгенія и Снегирева). Вотъ что говорится въ ней: «Гротъ завелъ въ 1775 г. общество 550 человѣкъ для смертныхъ случаевъ. По силѣ этого установленія, наслѣдникамъ каждаго умершаго члена сего общества выдавалось извѣстное количество денегъ, смотря по суммѣ вклада. Это первая (въ Россіи?) мысль о застрахованіи жизни, которая въ наше время все распространяется». Объ этомъ обществѣ издана Гротомъ книжка по-нѣмецки и по-русски: «Учрежденіе основаннаго въ С.-Петербургѣ на смертные случаи общества», выдержавшая 3 изданія, въ 1775, 1780[1]) и 1794 гг. (послѣднее дополненное на обоихъ языкахъ). Въ 1777 г. явился и французскій ея переводъ подъ заглавіемъ «Règlement d'une association, faite pour l'établissement d'une caisse mortuaire à St.-Pétersbourg, traduit de l'allemand» (St.-Pétersb. 1777). Распространеніе этой книжки уже свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ предпріятія. Гротъ не только посвятилъ много силъ и времени на учрежденіе и поддержаніе такихъ страховыхъ кассъ, но естественно имѣлъ съ ними много хлопотъ и непріятностей.

Какъ пасторъ, Якимъ Гротъ много сдѣлалъ для ввѣренной его попеченію Екатерининской церкви и для своей Васileостров-

---

Однакожъ наиболѣе почетные ея члены, видныя особы при дворѣ, полагали, что государыня никогда не дастъ своего согласія на такое открытое учрежденіе ложи; но задумавшіе дѣло такъ привязались къ своему плану, что не могли его такъ легко бросить, и обратились тогда къ пастору Гроту, чтобы онъ устроилъ такое страховое учрежденіе при своей церкви. Гротъ увлекся идеей, принялъ ихъ съ распростертыми объятіями, и взялъ на себя весь организаціонный трудъ. Онъ составилъ проектъ кассы, переданный для оцѣнки знаменитому математику Эйлеру и получившій его одобреніе лишь послѣ многихъ съ его стороны возраженій, противъ которыхъ Гротъ въ свою очередь написалъ рѣшительное опроверженіе. Надо замѣтить, что послѣдующій опытъ во многомъ оправдалъ сомнѣнія великаго математика. Множество промаховъ, несогласій между членами и неудачъ, всегда неизбѣжныхъ въ новомъ дѣлѣ, доставили Гроту много тревогъ и разочарованій. Пасторъ Буссе объ этомъ разсказываетъ подробнѣе въ своей статьѣ о Гротѣ.

1) См. въ Смирдинской «Росписи», № 1877.

ской паствы. Шлёцеръ и Бакмейстеръ не даромъ такъ горячо его рекомендовали послѣдней при его избраніи. Онъ блестяще оправдалъ общія надежды. О проповѣднической его дѣятельности и нравственномъ ея вліяніи уже было говорено выше. Не мало заботъ посвятилъ пасторъ Гротъ устройству возникшей при храмѣ нѣмецкой Екатерининской школѣ. Свидѣтельствомъ этого о ней попеченія служатъ двѣ его печатныя брошюры, относящіяся къ судьбѣ этой школы [1]).

Большимъ дѣломъ Грота, въ сотрудничествѣ съ другими членами церковнаго конвента, было сооруженіе каменнаго храма на мѣстѣ прежней деревянной церкви, получившаго съ согласія императрицы Екатерины названіе *Екатерининской* и красующагося и нынѣ на углу 1-ой линіи и Большого проспекта Васильевскаго острова. Исторію постройки этой церкви сообщаетъ самъ пасторъ Гротъ въ своихъ сочиненіяхъ. Василеостровская лютеранская община, начинающая свою исторію съ 1728 г., еще въ 1743, при Елизаветѣ Петровнѣ, подняла вопросъ о постройкѣ каменной церкви, но это предпріятіе встрѣтило тогда большія затрудненія и было оставлено. Только въ 1765 г., т. е. на другой годъ по вступленіи въ должность пастора Грота и, безъ сомнѣнія, по его иниціативѣ, дѣло было поднято вновь и съ помощью широко и умѣло организованныхъ денежныхъ сборовъ— не только среди протестантскихъ общинъ въ Россіи, но и во многихъ заграничныхъ торговыхъ городахъ (поддерживавшихъ сношенія съ Россіей) — энергично двинуто впередъ; менѣе чѣмъ черезъ три года строительныя работы настолько подвинулись, что оказалось возможнымъ устроить торжественную закладку храма 22 іюня 1768 г., при чемъ Гротомъ при большомъ стеченіи паствы было произнесено слово, послѣ чего задѣлана въ фунда-

1) Nachricht von einer neuen Einrichtung der Katharinenschule in der 2-ten Linie auf Wassiley-Ostrov (St.-Petersburg. Journal, Sept. 1779.), St.-Petersb. 1780 (вышла во 2-мъ изд. на русск. языкѣ). — Rede, die bei der am 3-ten Junius 1786 vorgenommenen Prüfung der Katharinenschule und bei der Niederlegung des Amtes ihrer Lehrer gehalten wurde, Reval.

ментѣ памятная мѣдная доска съ соотвѣтственною латинскою надписью. «Мы переживаемъ сегодня, говорилъ пасторъ въ своей рѣчи, достопамятный день, когда кладется основной камень этого зданія, подъ покровительствомъ Монархини, которая въ своемъ величіи гнушается всякаго насилія надъ совѣстью, и при различіи въ вѣроисповѣданіи, не дѣлаетъ различія въ благодѣяніяхъ, которыми осыпаетъ своихъ подданныхъ; этотъ день для насъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что мы отъ Нея Самой получили разрѣшеніе дать этому храму имя Екатерины, долженствующее вызывать благоговѣніе въ самомъ отдаленномъ потомствѣ».

Уже осенью того-же года стѣны церкви были подведены подъ крышу, и работы—при дружномъ содѣйствіи всего церковнаго конвента и неусыпными заботами Якима Грота — производились такъ успѣшно и быстро, что уже черезъ 2 года, весной 1770 г. приступлено было къ внутренней отдѣлкѣ церкви. Между тѣмъ сборъ средствъ неутомимо продолжался, и первоначально собранныя суммы (ок. 4000) быстро возросли крупными пожертвованіями Петербургскихъ покровителей и щедрыхъ дарителей, начиная съ самой монархини и кончая самыми скромными членами петербургскаго общества. Высокихъ лицъ при Дворѣ и многихъ сановниковъ привлекъ къ пожертвованіямъ тогдашній патронъ церкви генералъ-лейтенантъ Ѳ. фонъ-Дицъ (v. Dietz). Кромѣ самой императрицы, пожаловавшей 2000 руб., наслѣдника цесаревича (500 р.) и герцога Курляндскаго Петра (400 р.), довольно крупныя по тогдашнему суммы (по 100 р. и по 50) пожертвовали такіе русскіе сановники, какъ графы Кириллъ и Александръ Разумовскіе, графъ Петръ Шереметевъ, графъ Строгановъ, И. И. Бецкій, генералъ-аншефъ Зах. Чернышевъ, генералъ-лейтен. А. Бибиковъ и друг.[1]) Въ украшеніи (внутреннемъ) церкви приняли участіе многіе высокопоставленные и видные члены Васильеостровской лютеранской общины. Наконецъ, къ на-

1) Изъ за границы (изъ Голштиніи, Альтоны, Копенгагена etc.) поступили еще пожертвованія. Всего было собрано болѣе 12000 р. Вся постройка обошлась — до 17000.

чалу 1771 г. всѣ работы были закончены, и 26-го января этого года состоялось торжество освященія воздвигнутаго прекраснаго храма. Пасторъ Гротъ въ своемъ историческомъ очеркѣ подробно описываетъ это торжество, на которое собрались по особымъ приглашеніямъ, кромѣ всей многолюдной паствы, многіе сановники, придворные высокіе чины, иностранные послы, наконецъ даже представители русской церкви въ лицѣ одного члена Синода и двухъ священниковъ. Передъ освященіемъ новаго храма пасторъ Гротъ сказалъ въ прежней церкви прочувствованную проповѣдь. Къ этому торжеству была сочинена имъ кантата, которую положилъ на музыку извѣстный тогда композиторъ Палшовъ. Часть этой кантаты была исполнена передъ проповѣдью, а часть послѣ—русскими пѣвчими императорской придворной капеллы. Вся церемонія освященія произошла чрезвычайно торжественно, и публики собралось такъ много, что не только были заняты всѣ мѣста въ новомъ обширномъ храмѣ, но и всѣ проходы [1]).

Мы съ намѣреніемъ остановились подробнѣе на этомъ фактѣ сооруженія Екатерининской церкви, какъ на одномъ изъ крупныхъ дѣлъ І.-Х. Грота и важномъ эпизодѣ въ его жизни. Они не могли не упрочить его значенія и вліянія въ обществѣ, не расширить и не укрѣпить всеобщаго къ нему уваженія.

Въ концѣ своей жизни онъ, всегда увлекавшійся новыми начинаніями и идеями, носился съ планомъ устройства особаго морга (Leichenhaus) для мнимо-умершихъ, ради предупрежденія преждевременнаго погребенія таковыхъ. Къ этому предмету относится и одна статья его «О преждевременныхъ погребеніяхъ и о моргахъ» [2]). Этотъ проектъ, который очень увлекалъ его, доклады-

1) Ioachim Chr. Grot's Beitrag zur Geschichte der Evang.-Lutherischen Kirchen in Russland nebst einigen Erbauungs-Reden, welche die Aufrichtung der Katharinen-Kirche veranlasset hat. Mitau u. Hasenpoth, 1772, 1—32. Еще см. въ его сочиненіи «Bemerk. üb. die Religionsfreyheit der Ausländer im Russ. Reiche», B. I. (1797), S. 111—122.

2) Über frühzeitige Begräbnisse und Leichenhäuser. «Busse's Journal von Russl. 1795». B. I, S. 3—47, II, S. 144—150.

вался имъ и обсуждался въ нѣсколькихъ собраніяхъ конвента церкви св. Петра, но по недостатку отзывчивости и содѣйствія другихъ онъ не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Намъ остается сдѣлать общее краткое обозрѣніе учено-литературныхъ трудовъ пастора Грота, какъ результатовъ его проповѣднической, литературной и ученой (исторіографической) дѣятельности, представляющихъ значительный какъ историческій— для XVIII вѣка, такъ и автобіографическій матеріалъ, не лишенный интереса для историка той эпохи.

О литературныхъ итогахъ проповѣднической дѣятельности Грота и объ изданіяхъ его проповѣдей какъ отдѣльно, такъ и въ 2-хъ-томномъ собраніи («St.-Peterburgische Kanzelvorträge» I и II, 1781—1782) было уже достаточно сказано выше. Слѣдуетъ однакожъ дополнить сказанное еще нѣсколькими указаніями.

Первая напечатанная проповѣдь Грота, сказанная еще въ Нарвѣ въ 1763 г., т. е. еще до назначенія пасторомъ въ Петербургъ, была издана въ Ревелѣ («Господь въ своихъ карахъ—исполненный щадящаго милосердія»)[1]). Изъ отдѣльныхъ проповѣдей, вызванныхъ разными случаями, можно упомянуть, кромѣ ужъ выше отмѣченныхъ, рѣчь по случаю торжества коронаціи Екатерины[2]) и цѣлый рядъ поминальныхъ рѣчей, относящихся къ кончинѣ извѣстныхъ дѣятелей, сановниковъ и частныхъ лицъ (лютеранъ, прихожанъ). Между послѣдними заслуживаетъ вниманія слово, произнесенное въ 1766 г. надъ гробомъ стараго покровителя Грота—генералъ-аншефа, сенатора и кавалера Николая-Фридриха (Андреевича) барона Ф. Корфа, напечатанное во 2-мъ томѣ Дингельштедтовой «Nordische Casualbibliothek oder Sammlung heiliger Reden (Dingelstädts N. C. Riga 1787)[3]). Нѣ-

1) «Gott mitten in seinen Strafgerichten voll schonender Barmherzigkeit», eine Predigt in Narva gehalten. Reval 1763.

2) Rede bei der Feyer des Krönungsfestes der Kaiserin Katharina II, SPb. 1766.

3) Всѣ онѣ перечислены въ спискѣ сочиненій Грота въ словарѣ Recke u. Napierski (Mitau, 1829).

которыя проповѣди пастора Грота появлялись и въ русскомъ переводѣ. Такъ въ 1779 г. была издана по-нѣмецки и по-русски (оба текста рядомъ) его проповѣдь: «Слово о продерзости невѣрія, въ 1-ое воскресенье послѣ св. Пасхи на Евангеліе Св. Іоанна, гл. 20, гл. 19 — 31, говоренное лютеранской Екатерининской церкви, на Васильевскомъ острову, пасторомъ Якимомъ Христіяномъ Гротомъ; переведенное съ нѣмецкаго коллежскимъ переводчикомъ Фридрихомъ Рихманомъ»[1]). Такимъ образомъ и русское петербургское общество имѣло возможность знакомиться съ пасторскими выступленіями І. Х. Грота. Къ сожалѣнію, какъ мы видѣли, его надежда видѣть свои проповѣди о пользѣ оспопрививанія тоже на русскомъ языкѣ не осуществилась. Но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что его проповѣди на эту тему привлекали въ Екатерининскую церковь и нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ русскихъ, черезъ которыхъ они проникали и въ болѣе широкіе круги русскаго общества.

Собственно литературная дѣятельность Якима Грота, сосредоточившаяся, по избраніи имъ пасторскаго поприща, на духовной поэзіи, т. е. точнѣе на церковно-лютеранскомъ стихосложеніи, началась рано, маленькими стихотворными опытами, между прочимъ въ шуточномъ и драматическомъ родѣ. Въ періодъ учительства въ Килѣ онъ выступалъ со стихами на разные случаи, частью отъ своего имени, частью отъ имени Кильскаго литературнаго общества, въ изданіяхъ котораго принималъ участіе. Однимъ изъ первыхъ его сочиненій была *пастушеская* пьеса, изданная въ Гамбургѣ въ 1757 г. какимъ-то его пріятелемъ. Эта пьеса («Die dankbare Treue». Schäferspiel), какъ видно изъ ея длиннаго заглавія, была написана по случаю рожденія въ 1757 г. дочери Анны у великаго князя и наслѣдника россійскаго престола Петра Ѳеодоровича и представлена на бывшемъ по этому случаю торжествѣ въ Килѣ «обществомъ моло-

1) «Von der Vermessenheit des Unglaubens» СПб. 1779. Эта рѣдкая брошюра имѣется у насъ съ этикетомъ ex libris «Изъ Библіотеки Смирдина».

дыхъ пастушекъ и пастуховъ»[1]). За этимъ маленькимъ произведеніемъ слѣдовало болѣе крупное: заимствованная по сюжету у французскаго автора (Saintfoy) трагедія въ стихахъ (въ 5 дѣйствіяхъ) «Целоида»; эту пьесу напечаталъ въ 1760 г. его пріятель лейтенантъ Ѳедоръ Пассекъ въ Кенигсбергѣ, безъ вѣдома автора[2]).

Эти литературные и поэтическіе опыты не были только случайными шалостями досуговъ юнаго Грота. По его собственному признанію въ предисловіи къ изданію собранія его духовныхъ пѣснопѣній (уже на склонѣ дней, въ 1793 г.), труды въ области поэзіи были всегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ его занятій. «Не только юношей, но еще и мальчикомъ я посвящалъ ей многіе часы, не занятые необходимыми и обязательными работами и предоставлявшіеся всецѣло мнѣ и моему вкусу. Такихъ занятій я не оставлялъ и позже въ зрѣлые годы»[3]). Разумѣется, въ со-

---

1) Вотъ это заглавіе: Als Ihro Kayserl. Hoheit, dem Durchlauchtigsten Grossfürsten aller Reussen und Herzog von Schlesswig-Hollstein Peter, zur grössten Freude aller Unterthanen, den 20-sten December 1757 die Durchlauchtigste Prinzessin Anna gebohren wurde, wollte zur Bezeugung des darüber geschöpften Vergnügens bei denen dieserwegen angestellten Feyerlichkeiten zu Kiel das von dem Candidaten der Gottesgelehrtheit, I. C. Grot, zu diesem Ende verfertigte Schäferspiel: die dankbare Treue aufführen eine Gesellschaft von jungen Schäferinnen und Schäfern. Hamburg, bei Piscator.

2) Zeloide, ein Trauerspiel in Versen, in 5 Aufzügen (nach Saintfoy). Königsberg. 1760.

3) Такъ онъ и позже уже въ Россіи не разъ выступалъ и со свѣтскими стихами. Между прочимъ онъ написалъ оду, обращенную къ своему бывшему начальнику въ Кёнигсбергѣ, Ник. Анд. Корфу, по случаю его возвращенія въ Петербургъ и новаго назначенія генералъ-полицеймейстеромъ столицы. Здѣсь онъ восхваляетъ его гуманность и человѣколюбіе, вспоминая одинъ эпизодъ въ Кёнигсбергѣ, когда Корфъ, во время происшедшей безпричинной паники во время богослуженія въ Замковой церкви, своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ спасъ жизнь очень многимъ въ отчаянной давкѣ. Эти стихи были напечатаны въ 1761 г. отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Sr. Excellenz dem Hochwohlgeborenen Herrn Nicolaus Freyherrn von Korff, Ihro Kayserlichen Majestät von ganz Russland hochbestallten General-Policeymeister etc... widmete diese ehrfurchtvollen Empfindungen der Freude bei Dero als Gouverneur aus dem Königreich Preussen geschehene Zurückkunft in tiefster Unterthänigkeit Ioachim Christian Grot aus Hollstein. 1761.

гласіи съ настроеніемъ, вкусами и пасторскимъ своимъ призваніемъ, Гротъ скоро спеціализировался въ поэтическихъ своихъ увлеченіяхъ на духовной или церковной поэзіи, и въ этой области онъ достигъ немаловажныхъ результатовъ, принесъ большую пользу развитію этой отрасли церковнаго обихода и не одной своей паствѣ, и составилъ себѣ почтенное имя и память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ лютеранъ въ Россіи. Но, строгій и требовательный и вмѣстѣ недовѣрчивый къ себѣ, онъ долго не рѣшался выступать публично и печатно съ плодами своего духовнаго творчества. Ставъ въ 1764 г. пасторомъ въ Петербургѣ, онъ скоро убѣдился въ полной неудовлетворительности и устарѣлости сборника лютеранскихъ пѣснопѣній (Gesangbuch, стар. рижскаго изданія), тогда единственнаго и общепринятаго, и въ насущной потребности составленія новаго, лучшаго сборника. Но на первыхъ порахъ онъ не встрѣтилъ достаточной въ этомъ дѣлѣ поддержки со стороны петербургскихъ своихъ коллегъ. Только лѣтъ черезъ десять ему удалось склонить ихъ преемниковъ къ составленію новаго дополнительнаго сборника церковныхъ пѣсенъ, одобренныхъ всѣми 3-мя петербургскими конвентами (вышелъ въ Спб. въ 1773 г.), а еще черезъ десять лѣтъ, въ 1783, старый Gesangbuch былъ окончательно замѣненъ новымъ, составленнымъ Гротомъ съ соучастіемъ пасторовъ Вольфа и Рейнбота,— сборникомъ [1]), куда вошло уже 57 пѣсенъ, сочиненныхъ самимъ Гротомъ и разумѣется одобренныхъ его коллегами. Наконецъ уже спустя 30 лѣтъ послѣ вступленія своего на каѳедру, за немного лѣтъ до своей кончины, въ 1793 г., онъ издалъ цѣльный сборникъ своихъ собственныхъ церковныхъ пѣснопѣній, прибавивъ къ прежнимъ 57-ми еще 125, да еще 25 передѣланныхъ старыхъ и новыхъ пѣсенъ [2]). Изъ приложеннаго къ нему предисловія видно, съ какой осторожностью, разборчивостью и стро-

1) Petersburgische Sammlung Gottesdienstlicher Lieder für die öffentliche und häusliche Andacht evangelischer Gemeinen, St. Petersburg, 1783.

2) Beitrag zur Beförderung der Gottesverehrung und guter Gesinnungen in Religionsliedern, von Ioachim Christian Grot, Leipzig und Königsberg, 1793.

гостью къ себѣ авторъ поступалъ съ самаго начала и до конца въ дѣлѣ опубликованія и въ введеніи въ обиходъ своихъ произведеній. Ихъ признанныя авторитетами и обществомъ внутренія — по содержанію — и внѣшнія — по выразительности — достоинства доставили имъ популярность и упрочили ихъ успѣхъ на долго [1]).

Если однако плоды проповѣднической дѣятельности пастора Грота, т. е. собраніе его проповѣдей и затѣмъ сборникъ сочиненныхъ имъ духовныхъ пѣсенъ составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ соотвѣтственныя области духовной литературы, то все-же не ими главнѣйше опредѣляется составленное имъ себѣ почтенное литературное имя. Оно заслужено имъ другими, болѣе капитальными трудами, а именно научно-историческими. Гротъ былъ однимъ изъ первыхъ серіозныхъ и основательныхъ историковъ евангелическихъ (да и другихъ) исповѣданій въ Россіи. Его капитальный трехтомный трудъ по этому предмету, представляя продолженіе и расширеніе работъ его предшественника въ этой области, пастора А. Бюшинга, завоевалъ себѣ на долго авторитетное мѣсто въ исторіи предмета и послужилъ руководствомъ и основаніемъ для многихъ послѣдующихъ трудовъ. Первымъ печатнымъ опытомъ въ историческомъ родѣ была небольшая работа Грота, вышедшая въ 1772 г. и касавшаяся судьбы той лютеранской церкви и того прихода, которымъ ему суждено было посвятить всю свою жизнь, всѣ свои духовныя силы и дарованія. Это его «Матеріалы для исторіи евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Россіи, съ приложеніемъ нѣсколькихъ поучительныхъ рѣчей, вызванныхъ сооруженіемъ Екатерининской церкви» [2]).

Предпринявъ, быть можетъ, еще до этой работы свое большое историческое изслѣдованіе, Гротъ трудился надъ нимъ дол-

1) См. названную статью Буссе о Гротѣ, стр. 79—81.

2) Эту работу мы называли уже выше, говоря о роли пастора Грота въ этомъ сооруженіи. Вотъ нѣмецкое заглавіе книжки: «Beytrag zur Geschichte der Evangelisch-Lutherischen Kirchen in Russland, nebst einigen Erbauungsreden, welche die Aufrichtung der Katharinen-Kirche veranlasset hat», Mitau u. Hasenpoth, 1772. 63 стр.

гіе годы, и оно появилось въ свѣтъ всего за два года до его смерти, т. е. въ 1797 г., въ 3-хъ томахъ (3-ій томъ уже въ 1798 г.) подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣданій иностранцевъ въ Россійскомъ государствѣ»[1]). Какъ уже свидѣтельствуетъ заглавіе, здѣсь предметъ изслѣдованія не ограничивается одними протестантскими исповѣданіями, а обнимаетъ и другія инославныя: дѣйствительно, Гротъ отводитъ мѣсто въ своихъ «Замѣчаніяхъ» также судьбамъ римско-католическаго исповѣданія, реформатскаго, церкви армянской, братской (Гернгутской) общины и проч. Руководящей идеей труда его является историческое, документальное подтвержденіе положенія о принципѣ вѣротерпимости и свободы совѣсти для иностранцевъ и инородцевъ, какого держались издавна монархи Россіи и который нашелъ себѣ яркое и дѣятельное выраженіе при Екатеринѣ II и при Павлѣ; сочиненіе Грота вышло въ свѣтъ ужъ при послѣднемъ, и авторъ могъ констатировать, что вкоренившійся принципъ нисколько не былъ нарушенъ и при немъ. Понятно, что благоговѣніе и благодарность лютеранскаго пастора къ великой Екатеринѣ, къ ея мудрости, государственнымъ талантамъ и великодушію, отражаются въ трудѣ его всюду, гдѣ идетъ рѣчь о ея дѣйствіяхъ.

Изъ предисловія Грота къ I-му тому сочиненія его видно, съ какой ученой добросовѣстностью и требовательностью къ себѣ онъ работалъ и исполнилъ поставленную себѣ задачу. Онъ сознавалъ вполнѣ всю ея широту и трудность и недостаточность своихъ источниковъ, но по части ихъ собиранія и критическаго использованія онъ сдѣлалъ все возможное, такъ что трудъ его своимъ новымъ матеріаломъ дополняетъ и во многомъ исправляетъ данныя и выводы его предшественника (Бюшинга). Тѣмъ не менѣе онъ сознается, что не могъ исполнить всего, что̀ ему представлялось желательнымъ. Со свойственными ему скромностью и чисто-

1) Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinen, ihre Kirchliche Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. Petersburg und Leipzig (in der Dykischen Buchhandlung), I и II B. 1797, III B. 1798.

сердечіемъ онъ не отрицаетъ, что могъ иногда допустить ошибку и что въ работу его могло вкрасться невѣрное извѣстіе: «при всей осторожности, этого не всегда можно избѣжать. Но я надѣюсь, говоритъ онъ, что это лишь рѣдкій случай. Чтобы дать своему труду возможное совершенство, я всѣ его отдѣлы перерабатывалъ трижды: исправлялъ свѣдѣнія, о недостовѣрности которыхъ узналъ, а новыя включалъ, пока была еще возможность...»[1]) Выражая надежду, что трудъ его будетъ и спеціалистами, и разными категоріями читателей признанъ полезнымъ и принятъ благосклонно, онъ между прочимъ замѣчаетъ, что его «современники найдутъ въ немъ матеріалъ для исторіи царствованія великой государыни, которая своимъ многообъемлющимъ умомъ, своей трудоспособностью и многочисленными благодѣяніями, осчастливившими ея подданныхъ, займетъ исключительно-выдающееся положеніе среди монарховъ своего вѣка». Это было писано, конечно, уже по смерти Екатерины.

Если новѣйшая строгая критика находитъ все-таки коекакія болѣе слабыя стороны въ трудѣ Грота, какъ напр. «въ характерѣ разсказа хвалебный тонъ — подъ впечатлѣніемъ либеральныхъ мнѣній и распоряженій Екатерины II въ пользу иновѣрцевъ», въ повѣствованіи о XVI—XVII вв. еще перевѣсъ недостовѣрныхъ сообщеній и незначительная доля вполнѣ точнаго — при искусно составленной фабулѣ (а всѣ эти недочеты слишкомъ понятны при недостаткѣ и случайности извѣстій), то все-же та-же критика признаетъ, что авторъ приступилъ къ изданію своего труда «послѣ продолжительныхъ занятій — съ большимъ запасомъ свѣдѣній», что «искусность фабулы, ясность и связность разсказа (разумѣется о древнѣйшей московской эпохѣ XVI—XVII вв.)... надолго сдѣлали книгу Грота почти единственнымъ пособіемъ для ознакомленія съ исторіей протестантскихъ

---

1) Свидѣтель труда его удостовѣряетъ, что Гротъ не щадилъ ни силъ, ни времени, ни средствъ для полученія свѣдѣній со всѣхъ сторонъ: писалъ много разъ одному и тому же лицу, чтобъ добиться отвѣта,—и добивался (Л. Буссе).

общинъ въ Московскомъ государствѣ. По ней и подъ ея вліяніемъ писались историческія повѣствованія объ этихъ общинахъ и церквахъ какъ нѣмецкими, такъ и русскими авторами»[1]). Для позднѣйшаго же времени (XVIII в.) его повѣствованіе признается безусловно достовѣрнымъ. Во всякомъ случаѣ значеніе и достоинства труда Грота, въ числѣ которыхъ нельзя не подчеркнуть особенно научной добросовѣстности, правдивости и безпристрастія, неоспоримы, и они не могли не создать ея автору почетной извѣстности въ научной исторической литературѣ, достаточно засвидѣтельствованной внесеніемъ его имени въ старѣйшій словарь Россійскихъ писателей. Если дома, въ средѣ окружающаго общества, его трудъ на первыхъ порахъ не нашелъ себѣ надлежащей оцѣнки, то въ заграничномъ ученомъ мірѣ его тогда же вполнѣ оцѣнили, и авторъ передъ самой своей кончиной еще имѣлъ утѣшеніе прочесть этотъ лестный о немъ отзывъ[2]).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о Гротѣ, какъ человѣкѣ и характерѣ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ весьма достовѣрное и объективное свидѣтельство его друга, пастора Буссе, въ не разъ названной статьѣ его, и будетъ всего цѣлесообразнѣе представить здѣсь сущность этой характеристики.

Іоганъ Буссе[3]), ставшій пасторомъ и проповѣдникомъ Екатерининской церкви послѣ Грота, молодой еще человѣкъ сравнительно съ послѣднимъ, былъ однако долго въ близкихъ, дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ, былъ много лѣтъ свидѣтелемъ его дѣятельности и трудовъ и въ полной мѣрѣ могъ оцѣнить

---

1) Дм. Цвѣтаевъ. «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія», Москва, 1890, стр. 37—39, примѣч. Авторъ въ своемъ трудѣ постоянно дѣлаетъ ссылки на сочиненіе пастора Грота.

2) См. основательную и справедливую оцѣнку труда въ Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung 1799 (ноябр.—дек.). Срв. Busse, о Гротѣ, стр. 87.

3) Іоганъ Генрихъ Буссе (р. 1763, въ Бранденбургѣ, † 1835 г.) кончилъ курсъ въ университетѣ въ Галле и былъ вызванъ въ Россію въ 1785; онъ снискалъ себѣ почтенное имя и какъ проповѣдникъ, и какъ писатель. — Въ 1794—6 г. онъ издавалъ журналъ «Journal von Russland», писалъ свои воспоминанія etc. Онъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ.

своего покровителя и старшаго друга, такъ что отзывы его о Гротѣ являются весьма надежными и авторитетными.

Что касается умственныхъ расположеній, вкусовъ и стремленій Якима Грота, то, склонный вообще къ умозрѣнію и отвлеченному мышленію и рано избравъ путь религіознаго и нравственно-поучительнаго служенія, онъ однако соединялъ съ этимъ большую разносторонность въ своихъ духовныхъ интересахъ и практической дѣятельности: онъ увлекался всѣмъ новымъ и полезнымъ въ житейско-культурномъ смыслѣ и старался примѣнять это новое на дѣлѣ въ доступной ему сферѣ. Такъ онъ увлекся дѣломъ оспопрививанія и сталъ страстнымъ пропагандистомъ его съ церковной каѳедры; такъ онъ увлекался устройствомъ кассъ для страхованія жизни, а затѣмъ носился съ мыслью о моргѣ для мнимо-умершихъ; такъ наконецъ онъ усвоилъ себѣ внушенное ему Шлёцеромъ пристрастіе къ *табличной* системѣ записей и регистраціи, которую онъ впервые широко примѣнялъ въ своихъ церковно-приходскихъ книгахъ со свойственными ему педантической аккуратностью и точностью... Эта характерная черта умственнаго и душевнаго склада Грота, его чуткость и воспріимчивость, и дѣлала изъ него энергичнаго и отзывчиваго общественнаго дѣятеля.

Я уже имѣлъ случай упоминать выше о высоко-нравственномъ строѣ и твердыхъ принципахъ пастора Грота. Они проходили яркою нитью во всѣхъ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ. Вѣрность своему призванію и своему долгу, необыкновенная добросовѣстность и строгость къ себѣ, непоколебимая стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ, и вмѣстѣ справедливость и гуманность въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, — вотъ черты, которыя особенно выдавались и цѣнились всѣми въ его истинно-христіанской дѣятельности. Благодаря имъ и большому своему такту, онъ съ рѣдкимъ достоинствомъ и благородствомъ несъ свое пасторское званіе и этимъ отличался отъ многихъ духовныхъ, вдающихся часто въ противоположныя крайности: то излишняго ригоризма и напускного святошества, то чрезмѣрной житейской развяз-

ности и слабости ко всему мірскому. Онъ былъ строгъ и непреклоненъ на церковной каѳедрѣ, но въ жизни, въ обществѣ онъ отличался полной терпимостью, и никогда никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ.

Обладая замѣчательно твердымъ характеромъ, онъ былъ чрезвычайно стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ, но приходилъ къ нимъ лишь путемъ долгихъ серіозныхъ размышленій и безпристрастнаго изслѣдованія дѣла или предмета. Его нельзя было переубѣдить, разъ онъ составилъ свое мнѣніе; но это не было вовсе упрямство, въ чемъ иногда его упрекали, а дѣйствительная убѣжденность. Его наружная строгость и сдержанность производили на многихъ, не знавшихъ его ближе, впечатлѣніе сухости, нечувствительности, холодности и даже гордости. Но близко знавшій его пасторъ Буссе убѣдительно опровергаетъ это ложное представленіе цѣлымъ рядомъ фактовъ и эпизодовъ. Наружную холодность онъ считаетъ не чѣмъ-либо прирожденнымъ, а чертою, привитой ему болѣзненными испытаніями жизни. Въ глубинѣ же своего существа Гротъ былъ участливъ и сердеченъ. Онъ дружески шелъ на встрѣчу всякому, кто внушалъ ему уваженіе и обнаруживалъ къ нему довѣріе и расположеніе. Но онъ былъ равенъ въ обращеніи со всѣми: онъ никогда не заискивалъ ни у знатныхъ, ни у богатыхъ, и сократилъ съ годами до крайности свои новогоднія посѣщенія, ограничивая ихъ лишь старѣйшими членами своей общины. Однако бѣдные и нуждающіеся еще долго по смерти его вспоминали съ благодарностью, какъ онъ часто и охотно являлся къ постели страждущаго — по первому ихъ зову.

О твердости его характера и вмѣстѣ отсутствіи исключительности и щепетильности въ правилахъ его пасторскаго званія, видно изъ слѣдующаго случая, приводимаго его другомъ-біографомъ. Лѣтъ за 12 до его смерти Буссе встрѣтилъ его въ театрѣ на представленіи комедіи. «Я въ первый разъ здѣсь, сказалъ онъ ему; такъ какъ я теперь уже выполнилъ свое перво-

начальное рѣшеніе и въ теченіе 23 лѣтъ давалъ доказательство, что могу воздерживаться отъ подобнаго развлеченія, то нынѣ полагаю, что долженъ доказать своимъ примѣромъ, что не считаю этого недозволительнымъ для пасторскаго званія». И онъ дѣйствительно послѣ того нерѣдко посѣщалъ театръ и показалъ себя любителемъ и цѣнителемъ серіознаго драматическаго искусства.

Насколько однако онъ былъ безпощаденъ и строгъ къ себѣ, настолько онъ былъ терпимъ и снисходителенъ къ другимъ, если только ему не приходилось при этомъ поступаться своими убѣжденіями. По словамъ того-же Буссе, «не было человѣка, который бы менѣе его говорилъ что-либо въ осужденіе отсутствующаго лица и который бы всегда такъ старался повернуть въ хорошую сторону то дурное, что̀ повторялось другими о комъ-либо, и съ полной искренностью объяснять ошибки и поступки людей самыми невинными побужденіями. Онъ до такой степени любилъ правду, что его трудно было убѣдить, что кто-нибудь, даже только въ шутку, сознательно сказалъ неправду. Это его правдолюбіе было признано всѣми; если среди окружающихъ мнѣнія расходились въ какомъ-либо дѣлѣ, и для рѣшенія вопроса казалось нужнымъ прямое и искреннее чувстно правды, то обращались къ его приговору, какъ къ рѣшающему». Въ глазахъ нашихъ, прибавляетъ Буссе, онъ служилъ поборникомъ и учителемъ честности, правдивости и всякой добродѣтели.

Якимъ Гротъ былъ довольно слабаго сложенія и очень болѣзненъ въ юности, но онъ закалилъ себя правильнымъ и умѣреннымъ образомъ жизни и до старости пользовался хорошимъ здоровьемъ; до послѣднихъ своихъ дней онъ сохранилъ всѣ свои душевныя силы. Но въ концѣ 1799 г. онъ схватилъ инфлуэнцу, которой не выдержалъ его организмъ и которая черезъ 10 дней свела его въ могилу: онъ скончался 22 дек. стар. ст. 1799 г. на 67-мъ году жизни — къ великому горю своихъ друзей и своей паствы. Къ числу его ближайшихъ друзей, кромѣ Шлёцера, принадлежалъ, какъ мы видѣли, извѣстный библіографъ Л. И. Бак-

мейстеръ [1]), его сверстникъ и также бывшій іенскій студентъ. Описывая кончину Грота, Буссе разсказываетъ, что кончина эта наступила такъ быстро и неожиданно, что его уже не застали въ живыхъ, будучи вызваны къ больному, ни онъ самъ, ни пріѣхавшій еще нѣсколько позже старѣйшій другъ Грота, Бакмейстеръ. «Никогда не забуду я, говоритъ Буссе, того оцѣпенѣлаго, пристальнаго (starren) взгляда, какимъ онъ въ теченіе 5 минутъ смотрѣлъ на почившаго; бросившись затѣмъ на стулъ, онъ закрылъ лицо руками; такъ сидѣлъ онъ еще минутъ пять, и, вставъ затѣмъ, съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица пригласилъ остальныхъ членовъ конвента къ принятію нужныхъ мѣръ и распоряженій». Бакмейстеръ же былъ душеприкащикомъ своего друга, исполнителемъ его завѣщанія. Въ старыхъ нашихъ семейныхъ бумагахъ сохранилась цѣлая пачка листковъ, написанныхъ Бакмейстеромъ (а также записочекъ Буссе), содержащихъ отчеты и протоколы собраній заинтересованныхъ лицъ за нѣсколько лѣтъ по исполненію завѣщанія покойнаго пастора. Нѣкоторыя думали, что благодаря своей бережливости Гротъ успѣлъ скопить кое-что. Но по смерти его оказалось, что онъ не скопилъ самъ ничего, и что остался лишь маленькій капиталецъ, который образовался изъ суммъ, завѣщанныхъ ему двумя членами Екатерининской общины за нѣсколько лѣтъ до его смерти. Кромѣ того онъ оставилъ порядочную библіотеку и коллекцію старыхъ монетъ и медалей. Объ этомъ-то маленькомъ наслѣдствѣ и идетъ рѣчь въ упомянутыхъ бумагахъ, касающихся завѣщанія Грота.

29-го декабря, т. е., по его желанію, ровно черезъ недѣлю послѣ кончины, совершилось погребеніе его тѣла — на счетъ цер-

---

1) Логинъ Ив. Бакмейстеръ род. въ 1730 г. въ Мекленбургск. княжествѣ; въ 1782 г. при помощи Шлёцера переселился въ Петербургъ и сталъ инспекторомъ академической гимназіи; затѣмъ онъ служилъ въ финансовомъ вѣдомствѣ до 1801 г., когда вышелъ въ отставку, и умеръ 22 мая 1806 г., переживъ на 7 лѣтъ своего друга.

ковнаго конвента; на доскѣ, прибитой къ изголовью его гроба, было начертано:

Dem Redlichen, der nur nach ernster Prüfung lehrte,
Selbst was er lehrte, strenge that,
Doch Andern Nachsicht gern und Duldung gern gewährte;
Heil Ihm! — die Ernte folgt der Saat!

Память его конвентъ не замедлилъ почтить назначеніемъ пенсіи въ 400 руб. его вдовѣ и единовременныхъ пособій его дѣтямъ, а также постановилъ соорудить и воздвигъ на могилѣ его мраморный памятникъ съ посвященіемъ отъ имени паствы его и слѣдующей эпитафіей:

Es ruhet hier, der fest auf Gottes Felsen stand,
Ernst, was er lehrte, that, mit Eifer Schonung band;
Die Ihr das Gute ehrt, o weinet Seinem Namen;
Nein! ehrt ihn würdiger: bestrebt euch — nachzuahmen!

Позволимъ себѣ въ заключеніе сообщить здѣсь одинъ эпизодъ изъ жизни внука пастора, Я. К. Грота, всегда благоговѣйно почитавшаго память своего дѣда,—эпизодъ, въ которомъ голосъ и мысль послѣдняго, запечатлѣнные въ его сочиненіяхъ, сыграли не послѣднюю роль въ самый критическій моментъ его жизни, при рѣшеніи брачнаго вопроса.

Въ концѣ 1849 г. Я. К., уступая непреодолимому влеченію сестры своей къ свиданію съ петербургскими друзьями, поѣхалъ съ ней въ Петербургъ (изъ Гельсингфорса, гдѣ они жили тогда) и тамъ въ знакомой семьѣ встрѣтилъ ту дѣвушку (Н. П. Семенову), которой суждено было стать его женою. Она сразу овладѣла его сердцемъ, но онъ не имѣлъ возможности сблизиться съ нею, такъ какъ послѣ двухъ-трехъ свиданій долженъ былъ разстаться, уѣзжая обратно въ Финляндію. Сердце ему подсказывало рѣшеніе, но разсудокъ сдерживалъ, и онъ колебался, одолѣваемый сомнѣніями, какъ это естественно въ такія минуты нашей жизни. 20-ыя числа декабря были рѣшительными для него днями. Вотъ что онъ разсказалъ потомъ своему другу о томъ,

что̀ между прочимъ повліяло на его настроеніе. «Все утро 22 декабря провелъ я въ библіотекѣ покойнаго академика Шторха. Между прочимъ нашелъ я тамъ въ сочиненіяхъ Бакмейстера много выписокъ изъ проповѣдей и другихъ трудовъ моего дѣда. Въ одной части былъ подробный отчетъ о цѣломъ томѣ проповѣдей. Я взялъ эту книгу домой и, ложась спать, читалъ изъ нея отрывки брату, въ томъ числѣ изъ одной проповѣди *о дурныхъ сторонахъ холостой жизни*. На другое утро узналъ я случайно изъ каталога Эггерса, что наканунѣ прошло ровно 50 лѣтъ со для кончины моего дѣда (22 декабря 1799 г.). Не будучи суевѣрнымъ, нельзя не быть пораженнымъ подобными случаями. Не долженъ ли былъ загробный голосъ моего дѣда въ день его смерти — въ такія минуты, когда я могъ колебаться, подѣйствовать на мою рѣшимость? Сколько разъ бывалъ я въ Петербургѣ, и эта книга не попадалась мнѣ въ руки! Сколько дней я провелъ тамъ нынче, но ни въ одинъ изъ другихъ я ее не встрѣчалъ. Мнѣ надобно было увидѣть ее именно тогда, когда мнѣ нуженъ былъ чей-нибудь совѣтъ, чье-нибудь подкрѣпительное слово».... [1])

II.

Карлъ Ефимовичъ Гротъ [2]).

Отъ перваго брака пастора Грота съ Христиной Энгельгардтъ остались сынъ Карлъ Христіанъ и дочь Амалія, вышедшая скоро по смерти отца замужъ за Карла Линка. Дѣтей своихъ пасторъ Гротъ воспитывалъ въ большой строгости, которая

---

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, стр. 501—502.

2) Къ сожалѣнію, объ отцѣ Якова Карловича, умершемъ рано, когда послѣднему шелъ 6-ой годъ, фактическія свѣдѣнія наши весьма скудны; впрочемъ и тѣ немногія данныя, которыя сохранились въ свидѣтельствахъ о немъ, въ кое-какихъ документахъ и въ семейныхъ преданіяхъ, рисуютъ его образъ довольно опредѣленно и рельефно.

бросалась въ глаза даже постороннимъ. Но это — по мнѣнію его друга Буссе — вытекало исключительно изъ рано усвоенныхъ Гротомъ взглядовъ и убѣжденій. Внимательность и нѣжность его къ дѣтямъ, при всей строгости, краснорѣчиво доказываются документомъ, найденнымъ Буссе среди старыхъ церковныхъ бумагъ. Это—дневникъ, который велъ Гротъ въ 1778 г. о поведеніи своихъ обоихъ дѣтей, тогда отроковъ въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ. Дневникъ обнимаетъ пять мѣсяцевъ, и о каждомъ днѣ имѣлось не менѣе пары строкъ. По словамъ Буссе, эти записи производили самое трогательное впечатлѣніе. Само собой разумѣется, что воспитаніе и образованіе дѣтямъ были даны самыя тщательныя.

Единственный сынъ пастора, Карлъ Еѳимовичъ, родился въ 1770, а можетъ быть въ 1771 г. (точной даты, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ). Послѣ домашней отличной подготовки подъ руководствомъ отца онъ получилъ образованіе сперва въ Екатерининскомъ, а потомъ въ Петропавловскомъ училищѣ, гдѣ кончилъ курсъ первымъ ученикомъ, что̀ свидѣтельствуетъ не только о его прилежаніи, но и о недюжинныхъ способностяхъ. На экзаменѣ при выходѣ изъ Екатерининской школы онъ, по особому случаю, именно ухода любимыхъ учителей, произнесъ прощальную рѣчь, о которой нашелъ случай упомянуть библіографъ Бакмейстеръ въ своей знаменитой «Russische Bibliothek»[1]). Еще въ періодъ ученія, 14-ти лѣтнимъ мальчикомъ, уже прекрасно владѣвшимъ иностранными языками, Гротъ, какъ объ этомъ уже было разсказано въ біографіи его отца, былъ приглашенъ въ компаніоны къ великимъ князьямъ государю наслѣднику Александру и брату его Константину Павловичамъ для ихъ упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, конечно, по выбору и желанію самой императрицы Екатерины. Этою высокою

1) «Russische Bibliothek (1786)», B. X, S. 583. Самое привѣтственное слово Карла Грота помѣщено въ брошюрѣ «Rede bei der Prüfung der Katharinen-Schule und bei der Niederlegung des Amtes ihrer Lehrer», Reval.

честью юноша былъ обязанъ главнѣйше почетному положенію и заслугамъ своего отца и особому къ нему благоволенію императрицы, но безъ сомнѣнія также своимъ учебнымъ успѣхамъ и способностямъ[1]). Это положеніе Гротъ занималъ съ сентября 1785[2]) въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Вѣроятно около 1790 онъ кончилъ курсъ ученія въ Петропавловской школѣ, такъ какъ уже въ февр. 1791 состоялось его назначеніе учителемъ 2-го возраста въ Сухопутный Кадетскій корпусъ. Мы къ сожалѣнію не знаемъ, какой предметъ былъ спеціальнымъ и слѣдовательно излюбленнымъ у Грота. Была ли это математика, если судить по дальнѣйшей служебной его карьерѣ (въ Экспедиціи ревизіи счетовъ и затѣмъ въ министерствѣ финансовъ), или можетъ быть естественная исторія, если судить по одной его переводной работѣ[3]), — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ молодой Гротъ продолжаетъ занятія наукой и состоя учителемъ, и въ этомъ отношеніи на него видимо возлагались извѣстныя надежды. Объ этомъ можно заключить изъ того, что онъ, по словамъ его «аттестата», въ мартѣ 1794 г. «награжденъ отъ Императорской Академіи Наукъ званіемъ студента оной Академіи». Это означало, что Академія нашла его достойнымъ — посредствомъ зачисленія въ состоявшій еще тогда при ней «университетъ» — приготовленія къ ученому поприщу: изъ студентовъ должны были

1) Выше было отмѣчено упоминаніе объ этомъ фактѣ въ письмахъ Имп. Екатерины къ Гримму. «Сбор. Имп. Истор. Общества» XXIII, стр. 297—8, а также то мѣсто въ инструкціи, данной Екатериной кн. Н. И. Салтыкову по воспитанію великихъ князей, гдѣ выясняется роль такихъ юношей. Изъ нея видно, что имѣлась въ виду польза такого товарищества не въ отношеніи только иностранныхъ языковъ: «молодые люди, къ нимъ приставленные, какъ-то Клавдій съ товарищи, играя могутъ иногда дать дѣтямъ такое знаніе, кое отъ приставниковъ не такъ скоро перенять бы могли»...

2) Аттестатъ, данный Гроту въ 1813 г. (при служебномъ перемѣщеніи), гласитъ: «находился при Государяхъ Великихъ Князьяхъ А. П. и К. П. для упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ съ 14 сент. 1785 г.».

3) Переводъ съ французскаго изъ «Esprit des Journaux» К. Грота: Описаніе сурка, взятое изъ путешествія г. Виліама Кокса по Швейцаріи. «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія», часть LVIII, мѣсяцъ іюнь 1791 г., стр. 90—96.

вырабатываться будущіе адъюнкты академіи. Повидимому въ качествѣ такого студента онъ еще нѣкоторое время призывался и къ великимъ князьямъ, и за ревностное исполненіе этихъ своихъ обязанностей онъ къ новому 1796 г. былъ Государыней пожалованъ въ коллежскіе регистраторы[1]), какъ видно изъ нижепомѣщаемаго офиціальнаго документа. Менѣе чѣмъ черезъ годъ, въ ноябрѣ 1796 г. скончалась Екатерина II-я, и на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ, который не могъ не знать Грота, какъ компаніона его старшихъ сыновей, и явно благоволилъ къ нему.

Вступленіе императора Павла на престолъ вызвало со стороны Карла Ефимовича Грота сообразное съ обычаями той эпохи стихотворное на нѣмецкомъ языкѣ привѣтствіе, въ которомъ находимъ строки, подтверждающія это отношеніе къ нему Павла: «Твой кроткій взоръ, говоритъ онъ ему, уже въ дѣтскіе годы сулилъ юношѣ прочное счастье»[2]). Императоръ Павелъ пожелалъ

---

1) Состоя уже тогда (съ мая 1795 г.) на службѣ въ 3-ей экспедиціи для свидѣтельства государственныхъ счетовъ.

2) Эта рукопись, помѣченная 1 декабря 1796 г., съ заглавіемъ: «Empfindungen der Freude, Seiner Kayserlichen Majestät dem Grossen Kayser und Herrn Paul dem Ersten, Selbstherrscher der Reussen, gewidmet von Carl Christian Grot» хранится въ бумагахъ Моск. Отдѣл. Общ. Арх. Минист. Имп. Двора (154—37537). Вотъ текстъ стихотворенія:

Wie mag ich es, mit Dichterschwingen,
Hin zu dem glanzumringten Thron
Des Völkerherrschers mich zu dringen,
Von dem des Vaterlandes Sohn
Die Zukunft schon enthüllt erblickte;
Sah, wie, den Zepter in der Hand,
Sein Fürstenherz so gern beglückte,
Und dann, mit Vorgefühl empfand:
Wie laute Jubel aller Zeiten
Auf Enkel noch sein Lob verbreiten? —
Mein Fürst verschmäht die niedre Blume nicht,
Die Ihm die Hand der Herzensfreude bricht! —
Versammelt Euch in fernen Zonen
Ihr Völker! preiset, segnet Ihn
Durch den so viele Millionen
Der Wohlfahrt Freuden viele blühn.
Heil uns! in unsern Frühlingstagen

утвердить особой грамотой за Гротомъ пожалованный ему Екатериной II-ой чинъ, и этотъ патентъ, напечатанный на пергаментѣ съ государственной печатью, отъ 26 мая 1797 г., за подписью трехъ сенаторовъ, сохранился въ отличномъ видѣ въ семейныхъ бумагахъ моего отца. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь цѣликомъ этотъ біографическій документъ.

«Божіею милостію Мы Павелъ Первый и прочая.... Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Блаженныя и Вѣчнодостойныя памяти Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Наша Любезнѣйшая Государыня Родительница, Карла Грота, который Ея Величеству студентомъ служилъ, за оказанную его къ службѣ ревность и прилѣжность Всемилостивѣйше пожаловала въ Коллежскіе Регистраторы 1795 года Декабря 31 дня, по токмо ему на оной чинъ Патента до нынѣ дано не было; того ради Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ Нашимъ подданнымъ онаго Карла Грота за нашего Коллежскаго Регистратора надлежащимъ образомъ признавать и почитать; на противъ чего и Мы надѣемся, что онъ въ томъ ему Всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ такъ вѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному подданному надлежитъ. Во свидѣтельство того Мы сіе Нашему Правительствующему Сенату подписать и Государственною печатью

Fliesst uns ein neuer Segen zu,
Ruft jeder Jüngling. Greise sagen:
Paul wird nun Schöpfer neuer Ruh;
Vergessen Sorgen, Kummer, Schmerzen,
Und fühlen ihre Lasten nicht;
Mit frohen, dankerfüllten Herzen
Uebt jeder treue Bürgerpflicht.
Heil mir! darf ich auch freudig sagen,
Erhabner Fürst! dein milder Blick
Verhiess schon in des Knaben Tagen
Dem Jüngling einst sein sichres Glück!

Вкусъ къ стихотворству и вообще къ писательству, къ литературѣ Карлъ Ефимовичъ безъ сомнѣнія наслѣдовалъ отъ своего отца.

укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ, мая 26-го дня 1797 г.»[1].

Намъ неизвѣстно, какія причины заставили Карла Ефимовича промѣнять окончательно учено-учебное поприще на карьеру чиновника, но это произошло еще въ 1790-хъ годахъ, т. е. еще при жизни его отца. Были-ли это вполнѣ выяснившіеся вкусы и расположенія, или какія-либо внѣшнія обстоятельства—остается для насъ невыясненнымъ[2]. Уже въ 1795 г. Гротъ поступилъ въ 3-ю Экспедицію для свидѣтельства государственныхъ счетовъ, и здѣсь оставался въ разныхъ должностяхъ и по учрежденіи министерства финансовъ (1802 г.), дослужившись въ 1811 г. до старшаго столоначальника. Онъ, по всему видно, рано пріобрѣлъ репутацію чрезвычайно ревностнаго, знающаго и дѣльнаго чиновника, удостоившись въ 1809 г. полученія Высокомонаршаго благоволенія, а въ 1910 г. знака отличія «за отличное и успѣшное отправленіе должности». Въ концѣ 1811 г. онъ былъ по прошенію уволенъ изъ штата экспедиціи и вѣроятно, по случаю преобразованія министерствъ (1810—11 гг.), въ томъ числѣ и вѣдомства финансовъ, опредѣлился по другой его части, именно въ департаментъ государственныхъ имуществъ, директоромъ котораго былъ тогда гр. Григорій Влад. Орловъ[3]. Здѣсь онъ достигъ скоро виднаго поста начальника отдѣленія. Успѣхамъ К. Е. на службѣ, рядомъ съ собственными его дарованіями и нравственными качествами, не могли не способствовать его прошлыя связи, именно тотъ фактъ, что онъ лично былъ извѣстенъ государю Александру Павловичу и его брату, какъ

---

1) Подписали патентъ сенаторы: Алексѣй Ржевскій, князь Александръ Долгоруковъ и Семенъ (?) Неплюевъ, герольдмейстеръ князь Павелъ Щербатовъ и секретарь Матвѣй Вагановъ. Дальнѣйшее движеніе Грота въ чинахъ пошло быстро: въ концѣ 1798 г. онъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, а въ 1808 г. онъ уже былъ надворнымъ совѣтникомъ.

2) Тутъ могла играть роль и недостаточная его обезпеченность, особенно послѣ потери отца (въ 1799 г.).

3) Это былъ сынъ младшаго изъ братьевъ Орловыхъ, племянникъ Григорія Григ., хорошо знакомаго когда-то съ пасторомъ Гротомъ.

нѣкогда товарищъ ихъ дѣтскихъ занятій и игръ. Это счастливое обстоятельство, конечно, обѣщало ему и въ будущемъ быстрое и успѣшное движеніе по службѣ, а можетъ быть даже блестящую карьеру, тѣмъ болѣе, что и со стороны жены, рожденной Цизмеръ, онъ, какъ мы увидимъ, имѣлъ довольно вліятельныя связи черезъ ея брата. Но не суждено было Карлу Ефимовичу продолжать свою жизнь и дѣятельность! Они были пресѣчены неумолимою судьбою въ цвѣтѣ его лѣтъ. Но прежде чѣмъ сказать объ этомъ, остановимся на семейныхъ его обстоятельствахъ и на его личности.

Съ молодыхъ лѣтъ Гроты (семья пастора) были дружны съ семьей Цизмеровъ (Ziesmer). Глава этой семьи былъ по преданію негоціантъ; съ женою онъ былъ въ разводѣ, и дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна. Во всякомъ случаѣ въ эпоху, къ которой относятся первыя документальныя извѣстія объ этой дружбѣ (начало 1790-хъ гг.), объ отцѣ нѣтъ уже никакого упоминанія, а семья состояла изъ старой m-me Цизмеръ, рожденной Бушъ, сына Якова Ивановича и трехъ дочерей Елизаветы, Маріи и Каролины. Какъ сблизились между собой молодые К. Е. Гротъ и Я. И. Цизмеръ, ровестники, — намъ неизвѣстно, но дружба эта установилась вѣроятно уже съ юныхъ лѣтъ, такъ какъ, не смотря на разлуку съ 1790-хъ гг., когда Я. И. Цизмеръ поступилъ на дипломатическое поприще и на долго оставилъ Россію, она непрерывно продолжалась и не остывала, поддерживаясь перепиской и бывъ наконецъ окончательно закрѣплена родственными узами, женитьбой Грота на младшей сестрѣ своего друга (1804 г.). Въ сохранившейся перепискѣ Я. И. Цизмера со своими родными, начиная съ 1793 г., имя его друга К. Грота встрѣчается почти въ каждомъ письмѣ, въ припискахъ, съ нѣжными поклонами ему, разспросами, совѣтами и сѣтованіями, что онъ не довольно часто пишетъ[1]). Цизмеръ выказываетъ

1) Рядомъ съ нимъ часто упоминается и другой пріятель Цизмера и Грота—Эйлеръ, внукъ знаменитаго академика-математика, друга пастора Грота.

постоянно сердечный интересъ къ судьбѣ Грота и, напримѣръ, въ началѣ 1798 г. по поводу извѣстія, что послѣдній доволенъ своею жизнью и веселъ, но что онъ не получаетъ повышенія по службѣ, велитъ ему передать, чтобъ это его не смущало и чтобъ онъ пользовался беззаботно настоящимъ, не думая слишкомъ о будущемъ, ибо, если не будетъ довольства собою и счастья, то что́ ему чины, почести и деньги....

По всѣмъ этимъ сношеніямъ видно, что Гротъ былъ близкій человѣкъ въ семьѣ Цизмеровъ и былъ всегда готовъ ко всякимъ услугамъ матери и сестрамъ своего друга. Въ 1799 г., значитъ еще при жизни пастора Грота, въ одномъ письмѣ къ старшей своей сестрѣ Цизмеръ совѣтуетъ поручить какое-то дѣло его другу Гроту, а скоро послѣ того онъ сообщаетъ, что послѣдній въ письмѣ къ нему дружески проситъ его семейныхъ пользоваться имъ (Гротомъ) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ имъ будетъ нужна мужская помощь.

Послѣ смерти отца Грота (1799) и выхода замужъ его сестры (1800), когда онъ остался одинокъ (ибо отношенія съ мачехой не могли быть особенно тѣсны), его дружба съ семьей Цизмеръ, кажется, еще укрѣпилась. Пасторъ Гротъ скончался 22 декабря 1799 г., а уже 12 февраля 1800 г. его единственная дочь Амалія вышла замужъ за Карла Линка [1]). Спустя четыре года послѣ того устроилось семейное счастье и брата ея Карла Ефимовича. Онъ, судя по немногимъ сохранившимся его письмамъ, очень дружилъ со старшей сестрой Я. И. Цизмера Елизаветой Ивановной, умной и дѣльной, но уже очень не молодой дѣвицей, бывшей значительно его старше. Но это была только дружба и взаимное уваженіе. Истинное же чувство любви вызвала въ немъ самая младшая сестра Каролина Ивановна, которая раз-

1) Къ сожалѣнію, объ этомъ зятѣ Грота мы никакими данными не располагаемъ. Сынъ ихъ Карлъ былъ въ 1840-хъ годахъ офицеромъ въ Свеаборской крѣпости и тогда-же въ 1848 г. скончался. О немъ часто упоминается въ «Перепискѣ Я. К. Грота съ Плетневымъ», т. II и III.

дѣляла это чувство и которой онъ и сдѣлалъ предложеніе въ началѣ 1804 г. Я. И. Цизмеръ, который немедленно узналъ объ этомъ изъ писемъ своихъ матери и сестеръ, принялъ конечно съ полнымъ удовлетвореніемъ эту вѣсть, и въ привѣтственномъ своемъ по этому случаю письмѣ (5 апр. н. с.) выражаетъ свою искреннюю радость, что сестра соединяетъ свою судьбу съ такимъ «превосходнымъ человѣкомъ», и пользуясь своимъ старшинствомъ (на 10 лѣтъ) и житейскою опытностью, даетъ ей братскіе совѣты.

Какъ изъ писемъ Цизмера, такъ и изъ сохранившихся нѣсколькихъ писемъ самого Карла Ефимовича къ своей невѣстѣ и потомъ женѣ, живо возстаетъ передъ нами духовный образъ этого глубоко чувствовавшаго, сердечнаго, деликатнаго и истинно-благороднаго человѣка. Такимъ онъ рисуется и въ семейныхъ преданіяхъ, ибо сами дѣти вслѣдствіе ранней его кончины не могли его помнить.

Какъ смотрѣлъ на семейную жизнь и какъ онъ въ ней полагалъ главную основу нашего счастья, видно изъ писемъ его къ невѣстѣ, и особенно изъ слѣдующаго мѣста, которое считаю умѣстнымъ привести здѣсь. Говоря, что онъ свѣтло смотритъ на открывающееся передъ нимъ будущее и что онъ былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ, еслибъ и невѣста его раздѣляла это его настроеніе, онъ прибавляетъ: «Я вспоминаю при этомъ мысль одного изъ любимыхъ моихъ писателей, и не могу не привести ее Вамъ, какъ вполнѣ совпадающую съ моими взглядами и житейскимъ опытомъ. — Почему, спрашиваетъ онъ, различаемъ мы въ понятіи счастья разные его виды? Развѣ дѣйствительно существуетъ ихъ нѣсколько, если мы всмотримся философски въ самую основу его? — *Семейное счастье есть на этомъ свѣтѣ — единственное, стоющее усилій человѣка.* Всѣ остальные его виды суть исключительно придатки, которые въ отдѣльности нигдѣ не достаточны (не могутъ удовлетворить) и не заслуживаютъ своего родового имени («счастья»). Если мы не хотимъ защищать своей гордости и своихъ жалкихъ предубѣжденій, то всѣ мы должны согласиться относительно состава (содержанія)

человѣческаго счастья (понимая его въ житейскомъ смыслѣ): оно не состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ лишь въ простомъ, умѣренномъ образѣ жизни, удовлетворительномъ здоровіи, а главнѣйше въ радостяхъ и слѣдствіяхъ цѣломудренной любви».

Въ томъ-же 1804 г. состоялся бракъ К. Е. Грота съ К. И. Цизмеръ, и сравнительно недолгая (около 14 лѣтъ) ихъ семейная жизнь оправдала ихъ надежды и была въ полной мѣрѣ счастлива. Вмѣстѣ съ ними жила одно время и оставшаяся одинокою послѣ смерти матери и средней сестры (Маріи), старшая сестра Елизавета Ивановна, о которой еще будетъ рѣчь ниже.

У Гротовъ было всего четверо дѣтей, но первый сынъ (Александръ) умеръ въ младенчествѣ. Затѣмъ слѣдовала дочь Роза, родившаяся въ 1811 г., будущая писательница-переводчица (псевдон. К. Р. Аполлонская), затѣмъ мой отецъ Яковъ Карловичъ (род. 1812 г.) и дядя Константинъ Карловичъ (род. въ 1815 г.). Жили Гроты скромно, но и безбѣдно. Конечно, службой Карлъ Ефимовичъ не могъ очень много зарабатывать, но у сестеръ Цизмеръ былъ повидимому небольшой капиталецъ, который служилъ семьѣ подспорьемъ.

Мы уже видѣли, что къ 1812 г. Карлъ Ефимовичъ перешелъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ и вскорѣ занялъ здѣсь постъ начальника отдѣленія. Въ 1816 г. семью ихъ постигла тяжелая потеря: скончался еще въ цвѣтѣ лѣтъ, на 47-мъ году любимый братъ и другъ Яковъ Ивановичъ Цизмеръ, тогда, впрочемъ, уже не жившій въ Петербургѣ[1]). Но непродолжительно было и семейное счастье Гротовъ. Карлъ Ефимовичъ немногимъ пережилъ своего шурина. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ не стало и его: онъ погибъ случайно и даже хорошенько не извѣстно какъ. Мы не знаемъ обстоятельствъ и подробностей этой трагической смерти, о которой ничего не разсказываетъ и мой отецъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Но изъ се-

1) См. о немъ ниже.

мейныхъ преданій извѣстно, что К. Е., по всей вѣроятности, утонулъ, купаясь въ Невѣ. Это случилось въ началѣ іюля 1818 г.[1]) Онъ былъ отличный пловецъ и, говорятъ, не разъ переплывалъ Неву. Однажды онъ пошелъ купаться и не вернулся. Платье его было найдено на берегу... Можно представить себѣ, какъ смерть эта потрясла его семью, и прежде всего его бѣдную жену.

Каролина Ивановна Гротъ

и Цизмеры.

Каролина Ивановна, рожденная Цизмеръ, родилась 1 февраля 1780 г., слѣдовательно въ годъ брака (1804) ей было 24 года. Какъ мы уже видѣли, ея отецъ Иванъ Цизмеръ (Zismer)[2]) былъ нѣмецкій негоціантъ: онъ происходилъ, какъ кажется, изъ Восточной Пруссіи. Гдѣ и долго ли онъ жилъ послѣ развода съ женой, мы не знаемъ: въ перепискѣ его дѣтей (и жены) о немъ вовсе нѣтъ упоминанія. Мать К. И. была рожденная Бушъ; по свидѣтельству Я. К. Грота, она держала въ Петербургѣ въ 1790-хъ годахъ дѣвичій пансіонъ, перешедшій потомъ къ ея старшей дочери. У нея было четверо дѣтей: единственный сынъ, уже знакомый намъ Яковъ Ивановичъ, и три дочери, изъ которыхъ младшей и была Каролина Ивановна, вышедшая замужъ въ 1804 г. по любви за К. Е. Грота. Потерявъ мужа въ 1818 (или 1817) г. — еще сравнительно молодой женщиной, когда ей не было еще и 40 лѣтъ, она какъ нѣжная мать, почти

---

1) Удостовѣрить документально дату года мнѣ не удалось. Возможно что это былъ, если не 1818-ый, то 1817 годъ, но никакъ не раньше. Я. К. нѣсколько разъ отмѣчаетъ годомъ смерти отца—1816 г., но это ошибка. Въ этомъ году умеръ Я. И. Цизмеръ, а по показанію самого Я. К. его отецъ пережилъ его года на два.

2) Имя Zismer (или Ziesmer) въ семейной корреспонденціи приблизительно до 1800 писалось обыкновенно Ziesemer.

отказалась отъ удовольствій личной жизни, личныхъ интересовъ и всецѣло посвятила себя дѣтямъ и ихъ воспитанію. Она имѣла утѣшеніе не только вырастить ихъ, но и видѣть ихъ преуспѣвающими на избранныхъ ими поприщахъ, и даже жить съ ними одной семьей (именно съ дочерью и старшимъ сыномъ, даже послѣ его женитьбы) до самой своей смерти. Она скончалась въ преклонныхъ годахъ (во время желудочной эпидеміи) въ Гельсингфорсѣ 24 августа 1852 года.

Прежде чѣмъ остановиться на роли и значеніи К. И. въ воспитаніи ея дѣтей и на созданныхъ ею семейномъ бытѣ и обстановкѣ, въ чемъ всего ярче обрисовываются ея духовная личность и ея характеръ, намъ слѣдуетъ познакомить читателя съ тѣмъ домашнимъ кругомъ, въ которомъ она сама выросла, съ тѣми членами семьи, которые играли наибольшую роль въ ея жизни и которыхъ вліяніе продолжалось и позже — въ ранней эпохѣ жизни и воспитаніи ея собственныхъ дѣтей.

О роли семейства Цизмеръ въ жизни отца Якова Карловича еще до женитьбы его была ужъ рѣчь выше. Главными и наиболѣе интересными его членами, какъ мы уже видѣли, были: другъ, а съ 1804 г. шуринъ Карла Ефимовича, слѣдовательно дядя моего отца Яковъ Ивановичъ, и его старшая сестра Елизавета Ивановна. Отецъ мой съ любовью говоритъ о нихъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ и въ своей извѣстной перепискѣ (1840-хъ гг.) съ П. А. Плетневымъ. Тётку свою онъ еще помнилъ, а съ дядей могъ хорошо познакомиться изъ домашнихъ преданій и изъ сохранившихся семейныхъ бумагъ, а именно изъ обширной переписки Я. И. Цизмера съ своими родными, матерью и сестрами, которую онъ въ 1840-хъ гг. тщательно разобралъ, привелъ въ хронологическій порядокъ и переплелъ въ особую большую тетрадь, снабдивъ ее обстоятельнымъ біографическимъ предисловіемъ (на франц. языкѣ)[1]). Всего цѣлесооб-

1) Почти всѣ письма, какъ самого Цизмера, такъ и его матери (а также и его зятя К. Е. Грота) писаны на французскомъ языкѣ.

разнѣе будетъ воспроизвести здѣсь хотя отчасти этотъ документъ [1]).

«Эти письма, разсказываетъ здѣсь Я. К., были найдены моей сестрою въ бумагахъ нашей покойной тётки, умершей въ 1834 г. 73-хъ лѣтъ. При первомъ ихъ прочтеніи они произвели на меня глубокое впечатлѣніе, познакомивъ меня съ лицами, которыхъ образы казались для меня уже совсѣмъ утраченными.

«.....Такой живой интересъ пробудили они во мнѣ и потому еще,что каждый изъ насъ любитъ воспроизводить въ воображеніи подробности прошедшаго, даже если дѣйствующими въ немъ лицами являются люди намъ совсѣмъ незнакомые. И пожалуй нѣтъ лучшихъ документовъ, которые бы давали намъ такой вѣрный снимокъ съ несуществующихъ уже характеровъ и обстоятельствъ, какъ такія частныя, написанныя съ небрежной откровенностью письма.

«Еще важное преимущество писемъ этого сборника заключается въ томъ, что они рисуютъ намъ человѣка, который по благородству своихъ чувствъ и принциповъ, рѣдкой добротѣ сердечной и вообще по всѣмъ своимъ достоинствамъ и талантамъ, вполнѣ заслуживаетъ чести жить въ памяти своихъ потомковъ. Такимъ является намъ образъ Якова Цизмера. Собираніе въ одно цѣлое разбросанныхъ тамъ и сямъ чертъ характера доставляетъ намъ удовольствіе, тѣмъ большее, что изъ всего явствуетъ, какая любовь существовала между авторомъ большей части писемъ и его сестрой, къ которой они въ большинствѣ адресованы.

«На десять лѣтъ [2]) старше его, она была во всѣхъ отношеніяхъ его достойна. Эти письма дополняютъ ея милый образъ, который навсегда запечатлѣлся въ нашемъ сердцѣ, потому что мы сами знали ее и любили. Она на 10 лѣтъ пережила своего брата... Письма Якова Цизмера вмѣстѣ съ письмами его матери стоятъ любой біографіи...»

---

1) Мы приводимъ его въ русскомъ переводѣ.

2) Кажется, разница была только около 9 лѣтъ.

Здѣсь Я. К. сообщаетъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній и о корреспондентахъ.

«Родители Я. Ц. были нѣмцы и родиной его предковъ была по всей вѣроятности восточная Пруссія. Отецъ его, негоціантъ, развелся со своей женой. Воспитаніе Цизмера было весьма несовершенно. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ самъ признаетъ, до какой степени недостаточны были его познанія. Онъ пріобрѣлъ ихъ во французскомъ пансіонѣ (Каттенкампфа, на Вас. Остр.), гдѣ числился приходящимъ. Здѣсь — источникъ его знанія французскаго языка, которое свидѣтельствуется его письмами... Изъ его нѣсколькихъ нѣмецкихъ писемъ видно, что онъ также отлично владѣлъ своимъ роднымъ языкомъ. Что касается русскаго, то есть основанія полагать, что онъ не былъ въ немъ особенно силенъ, по крайней мѣрѣ до довольно уже почтеннаго возраста. Онъ любилъ чтеніе и обладалъ небольшой библіотекой, о которой не разъ идетъ рѣчь въ его письмахъ. Отъ моей тёти я знаю, что «Освобожденный Іерусалимъ» Тассо во французскомъ переводѣ былъ первою книгой, которую онъ прочелъ съ жадностью и которая пріохотила его къ чтенію....

«По старинному русскому обычаю Цизмеръ еще ребенкомъ былъ зачисленъ сержантомъ въ списки одного изъ полковъ, вѣроятно благодаря хлопотамъ своего двоюроднаго брата Северина, который служилъ въ гвардіи. Моя мать помнитъ еще красный мундиръ съ черными отворотами у рукавовъ, который онъ иногда надѣвалъ, будучи сержантомъ. Но военнымъ на дѣлѣ онъ никогда не былъ».

Карьера, которой онъ посвятилъ себя и слѣдовалъ почти всю свою жизнь, была карьера дипломатическая. Отсюда цѣлый рядъ путешествій и заграничныхъ побывокъ отъ 1793 до 1806 года, которымъ мы обязаны этой перепиской. Въ первый разъ встрѣчаемся мы съ Цизмеромъ въ письмѣ его изъ Константинополя, гдѣ онъ состоялъ причисленнымъ къ свитѣ знаменитаго Кутузова, бывшаго тогда чрезвычайнымъ посломъ при дворѣ султана. Въ этомъ первомъ письмѣ мы читаемъ уже имя, которое часто повторяетъ

онъ въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ, а именно имя Грота, своего друга, молодого сына пастора лютеранской церкви Св. Екатерины. Изъ первыхъ писемъ его и его матери, которая часто говоритъ о немъ съ нѣжностью, мы уже можемъ составить себѣ представленіе о молодомъ Цизмерѣ, какъ о натурѣ любящей, привѣтливой и чистосердечной, какъ о характерѣ жизнерадостномъ, веселомъ и общительномъ.

Большой природный умъ, частыя путешествія и многобразныя сношенія и общеніе съ людьми высшей интеллигенціи почти совершенно стушевали пробѣлы въ его образованіи, и нельзя назвать хвастовствомъ его ссылку на свою житейскую опытность, которую онъ дѣлаетъ въ одномъ письмѣ къ младшей сестрѣ Каролинѣ... «Умные совѣты, которые онъ часто давалъ своимъ сестрамъ, вытекали изъ его личныхъ убѣжденій и говорятъ намъ, что это былъ человѣкъ на рѣдкость опытный въ житейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Послѣдніе годы своей короткой жизни Цизмеръ провелъ въ Либавѣ. Эта эпоха ознаменована полной перемѣной въ его судьбѣ. Онъ больше не дипломатъ: онъ начальникъ таможни. Онъ влюбляется, женится и становится отцомъ семейства.

«Все это сообщаетъ послѣдней серіи писемъ еще большій интересъ. Тотъ годъ, когда прекращается его переписка (1816 г.), является и годомъ его смерти. Онъ скончался отъ гастрической лихорадки (fièvre gastrique) всего 46-ти лѣтъ отъ роду. Спустя два года послѣдовалъ за нимъ нашъ отецъ, другъ его юности, приблизительно одного съ нимъ возраста.

«Госпожа Ю. Цизмеръ[1]) продолжала переписку своего мужа со своею золовкой, Елизаветой Ивановной. Ея письма, полныя сердечности, слѣдуютъ за письмами покойнаго.

«Старшая его сестра Елизавета Цизмеръ, съ которой по большей части и велъ онъ переписку, родилась 16-го мая 1762 г. Въ 1795 она оставила родительскій домъ, опредѣлясь учительницей въ семейство Медеръ, которое она сопровождала

1) Рожденная Оффенбергъ, впослѣдствіи баронесса Рённе.

до Любека и Гамбурга. Ко времени этого путешествія относятся письма нашей бабушки къ своей дочери. Тутъ же находимъ мы нѣсколько строкъ, написанныхъ моей матерью въ дѣтствѣ, и два письма средней сестры Маріи Цизмеръ, молодой, веселой и живой дѣвушки, ставшей жертвой несчастной любви, которая вѣроятно и ускорила впослѣдствіи роковой исходъ жестокой болѣзни.

«Въ концѣ переписки находимъ два письма нашего отца— дорогія строки, начертанныя рукой, которая благославляла насъ въ дѣтствѣ.

«Жизнь Я. Цизмера, которая цѣликомъ отразилась въ его письмахъ, стала благодаря имъ достояніемъ семьи, драгоцѣнностью для насъ всѣхъ. Никогда не претендовавъ на безсмертіе, онъ будетъ жить для насъ въ этомъ невольномъ своемъ наслѣдіи. Крестникъ дяди, имя котораго ношу, я былъ еще очень малъ, когда мы потеряли его. Его черты не могли остаться въ моей памяти, но я счастливъ уже тѣмъ, что познакомился съ нимъ изъ этихъ писемъ». [1])

Сообщенныя здѣсь данныя о Я. И. и Ел. Ив. Цизмерахъ мнѣ остается пополнить еще нѣкоторыми небезъинтересными извѣстіями изъ другихъ источниковъ (между прочимъ и изъ той же переписки).

Судьба Я. И. Цизмера, т. е. главнымъ образомъ дипломатическая его карьера, настолько интересна, что должна бы послужить предметомъ особаго разсмотрѣнія, а многое въ его перепискѣ, касающееся жизни и дѣятельности нашихъ дипломатовъ за границей и современныхъ событій (того періода 1793—1807 гг.), заслуживаетъ даже быть обнародованнымъ по историческому своему интересу [2]). Здѣсь неумѣстно было бы останавливаться на этомъ предметѣ, но для характеристики личности Я. И. Цизмера, его роли и авторитета въ семьѣ не лишне будетъ отмѣтить нѣкоторые факты изъ его біографіи. Поступивъ въ иностранную коллегію,

1) Очеркъ этотъ помѣченъ 6/18 августа 1844 г.

2) Я надѣюсь еще имѣть случай сдѣлать это въ другой разъ.

Цизмеръ, благодаря способностямъ, прекрасному знанію языковъ и своимъ нравственнымъ качествамъ, имѣлъ возможность быстро выдвинуться и заслужить довѣріе начальства. Въ началѣ 1790-хъ годовъ мы его видѣли въ Константинополѣ при М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ во время его чрезвычайнаго посольства къ султану послѣ Ясскаго мира, а съ 1796 г.—уже при нашемъ извѣстномъ дипломатѣ гр. Ник. Петр. Панинѣ, который въ слѣдующемъ 1797 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, гдѣ Цизмеръ и состоялъ его секретаремъ до назначенія его вице-канцлеромъ (въ 1799 г.). Гр. Панинъ такъ оцѣнилъ и полюбилъ его, что онъ сталъ у него близкимъ домашнимъ человѣкомъ, лицомъ самымъ довѣреннымъ. Когда послѣ временной немилости и даже ссылки Панина при Павлѣ Петровичѣ (1800 г.) онъ вернулся на свой постъ при Александрѣ I, онъ опять усиленно звалъ къ себѣ Цизмера. Въ изданныхъ Брикнеромъ «Матеріалахъ для жизнеописанія графа Н. П. Панина» (Спб., 1890—1892) въ его дѣловой перепискѣ имя Цизмера встрѣчается довольно часто, и изъ этихъ упоминаній можно уже заключить о его близости къ графу и довѣрительной его роли[1])... Въ 1780 г. Панинъ въ своихъ инструкціяхъ къ своему преемнику въ Берлинѣ, барону Крюденеру, такъ рекомендуетъ ему переведеннаго тогда въ Дрезденскую миссію Цизмера: «Надворный совѣтникъ Цизмеръ, бывшій однимъ изъ моихъ довѣренныхъ секретарей съ самаго начала моей дипломатической карьеры, назначенъ въ нашу миссію въ Дрезденъ. Этотъ молодой человѣкъ пишетъ очень правильно на обоихъ языкахъ; онъ опытенъ въ обращеніи съ шифромъ, и его работа очень умѣлая. Онъ можетъ быть очень полезенъ В-му П-ству, такъ какъ отъ Васъ зависитъ держать его при себѣ, хотя онъ и состоитъ при Дрезденской миссіи. Я всегда былъ имъ доволенъ, я льщу себя надеждой, что

1) См. т. I, 240; II, 194; III, 247, 519; IV, 382, 403; V, 20, 292, 298, 299, 565; VI, стр. 61.

онъ сумѣетъ заслужить Вашу благосклонность»[1]). Черезъ Панина Я. И. сблизился и съ семьей тестя его, генералъ-поручика и бывшаго директора Академіи Наукъ графа Влад. Григ. Орлова[2]). Сынъ послѣдняго Григ. Влад. Орловъ, директоръ департамента государственныхъ имуществъ, по всему видно, былъ дружески расположенъ къ нему, доставилъ ему позже мѣсто по таможенной части, и изъ переписки Цизмера мы узнаемъ, что послѣдній въ эпоху перемѣны службы, именно при назначеніи управляющимъ въ Петербургскую таможню, жилъ одно время въ домѣ Орловыхъ: въ графѣ онъ имѣлъ вліятельнаго покровителя.[3])

Цизмеръ, впрочемъ, и по вступленіи на престолъ Александра I продолжалъ еще свою дипломатическую службу въ Германіи, одно время въ Берлинѣ, а потомъ опять въ Дрезденѣ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и нашего участія въ нихъ въ пользу Пруссіи (1806—1807) онъ игралъ извѣстную роль, какъ старшій дипломатическій чиновникъ: въ качествѣ такового онъ состоялъ при нашемъ главнокомандующемъ ген. Бенигсенѣ и былъ непосредственнымъ участникомъ событій. О его роли послѣ Фридландскаго сраженія имѣется слѣдующее историческое документальное извѣстіе. Когда нашу армію постигла неудача и выяснилась необходимость остановить военныя дѣйствія, объ этомъ высказалъ свои мнѣнія Государю главнокомандующій въ своемъ донесеніи. Но у государя могли быть и были колебанія, и вотъ ему дали прочесть частное письмо Я. И. Цизмера къ министру иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ сообщалось, что Бенигсенъ, не желая огорчить государя, пишетъ ему не все и представляетъ положеніе въ менѣе мрачномъ видѣ, чѣмъ оно

---

1) Тамъ-же, т. V, стр. 292.

2) Панинъ былъ женатъ на дочери гр. Влад. Григ. Орлова, Софьѣ Владиміровнѣ (1774—1844).

3) Любопытно, что, какъ мы это видѣли въ біографіяхъ пастора Грота и его сына, Орловы (гр. Григ. Гр.) играли роль также и въ судьбѣ Гротовъ; Карлъ Ефимовичъ подъ конецъ своей краткой жизни служилъ тоже въ департаментѣ государственныхъ имуществъ подъ начальствомъ гр. Григ. Вл. Орлова.

оказывается на дѣлѣ. Цизмеръ пишетъ такъ: «Если очевидцу кампаніи позволено будетъ откровенно говорить начальнику, то осмѣлюсь доложить, что намъ остается одно средство: какъ можно скорѣе предложить перемиріе или вступить въ переговоры о мирѣ»[1]). Изъ этого эпизода нельзя не заключить, что мнѣнію Цизмера придавалось въ кругу близкихъ къ монарху лицъ не малое значеніе, и возможно, что добрая репутація его была не безъизвѣстна и Государю. Вѣроятно въ послѣдовавшихъ тильзитскихъ переговорахъ Я. И. также принималъ участіе.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошла переписка Цизмера именно этого періода. Отъ 1806 до 1811 г. имѣется досадный пробѣлъ. Мы такимъ образомъ не располагаемъ болѣе точными свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ дипломатической службы Я. И., — о времени и объ обстоятельствахъ его перехода на другое служебное поприще. Причины этого шага остаются для насъ невыясненными. Быть можетъ тутъ сыграли роль и какія-нибудь служебныя недоразуменія, или столь обычная среди людей интрига, но какъ бы то ни было Цизмеръ, имѣя въ Петербургѣ сильныхъ, близко его знавшихъ и очень цѣнившихъ его покровителей, успѣшно продолжалъ свою служебную карьеру въ другой сферѣ, именно въ таможенномъ вѣдомствѣ, гдѣ не могли не оцѣнить его рѣдкихъ достоинствъ. Съ помощью шурина своего бывшаго начальника Панина, гр. Г. В. Орлова, онъ сперва устроился въ Петербургѣ, но скоро перешелъ въ Либаву, гдѣ женился и гдѣ началась для него новая, счастливая семейная жизнь. Но дни его уже были сочтены: внезапная тяжкая болѣзнь (гастрическая лихорадка) свела его въ могилу въ 1816 г. еще въ цвѣтущемъ возрастѣ (на 46 году отъ роду).

Таковъ былъ дядя Якова Карловича. Не менѣе интереснымъ и симпатичнымъ лицомъ была и тётка его, старшая сестра Я. И. Елизавета Ивановна, о которой читатель кое-что уже знаетъ изъ предыдущаго и изъ трогательнаго воспоминанія о ней Я. К.,

1) Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 89. — Срв. Шильдеръ. Имп. Александръ I, т. II, стр. 171.

по поводу писемъ къ ней. Елизавета Ивановна родилась въ 1762 г. и была много старше брата, но была связана съ нимъ самой тѣсной дружбой. Она отличалась умомъ и энергіей и была очень дѣятельна. При жизни матери она была ея усердной и умѣлой помощницей въ содержаніи дѣвичьяго пансіона, а послѣ ея смерти она одна вела еще нѣкоторое время это дѣло. Она осталась всю жизнь дѣвицей и всецѣло посвятила себя педагогическимъ занятіямъ, и затѣмъ семьѣ и дѣтямъ своей сестры, Каролины Ивановны Гротъ, особенно когда послѣдняя овдовѣла (въ 1818 г.) и при скромныхъ своихъ средствахъ была въ довольно стѣсненномъ положеніи. Она съ нѣжностью относилась къ своимъ племянникамъ и помогала сестрѣ въ ихъ воспитаніи: занималась съ ними и учила ихъ, между прочимъ, французскому языку. Прожила она до 1834 г. и умерла уже въ преклонномъ возрастѣ, оставивъ въ семьѣ своей сестры самое тёплое и благодарное о себѣ воспоминаніе.

Близость такихъ выдающихся въ духовномъ смыслѣ, благородныхъ и любящихъ людей въ родномъ кругу — я не говорю уже о самихъ родителяхъ — не могла не отразиться на всемъ семейномъ строѣ и моральной атмосферѣ, среди которыхъ протекло раннее дѣтство Якова Карловича. Онъ не помнилъ своего дяди, но послѣній своей жизнью и нравственнымъ существомъ своимъ создалъ послѣ себя такую свѣтлую память въ семьѣ, что она сама по себѣ уже влекла къ нему и дѣйствовала благотворно на младшее поколѣніе, особенно когда оно имѣло возможность ближе узнать эту личность изъ семейныхъ документовъ.

Въ письмѣ къ своему другу П. А. Плетневу въ 1844 г. отецъ мой, разсказывая ему о найденной перепискѣ Цизмера, пишетъ: «Вечеромъ я съ своими домашними читалъ хранящуюся у сестры переписку «милыхъ отжившихъ», т. е. покойныхъ ближайшихъ родственниковъ нашихъ». Познакомивъ вкратцѣ своего друга съ этими лицами, онъ продолжаетъ: «Какъ пріятно вездѣ видѣть человѣка самаго благомыслящаго, честнаго, добраго, нѣжнаго сына и брата; не говорю уже о его французскомъ языкѣ и

слогѣ, въ которыхъ видно перо опытнаго дипломатическаго чиновника... Чтенье писемъ покойныхъ наполнило меня особенно-священнымъ чувствомъ; я сблизился съ ними, какъ съ живыми, и научился смотрѣть на нихъ новыми глазами; ничто, кромѣ дѣйствительнаго обращенія съ ними во время ихъ жизни, не могло такъ познакомить меня съ ними, какъ эти письма»... «Какъ я радъ особенно знакомству съ дядей», пишетъ онъ въ другомъ письмѣ; «что за чудный чѣловѣкъ: и прежде о немъ жило въ нашемъ семействѣ преданіе, какъ о добрѣйшемъ человѣкѣ, но оно было слишкомъ неопредѣленно и неполно. Бабушка (т. е. мать Цизмера) была, какъ видно, добрая мать, но въ образѣ мыслей не всегда такъ же возвышенна»[1]).

Намъ остается представить наконецъ имѣющуюся въ нашихъ источникахъ характеристику того лица, которому Яковъ Карловичъ обязанъ естественно всего больше какъ природными своими задатками и качествами, такъ и раннимъ и плодотворнымъ ихъ развитіемъ и всѣмъ своимъ воспитаніемъ, т. е. характеристику его матери Каролины Ивановны. Въ бумагахъ отца сохранилась замѣтка о ней, составленная очевидно близкимъ лицомъ (не самимъ ли Я. К.?)[2]) подъ впечатлѣніемъ ея кончины (въ 1852 г.). Она заключаетъ въ себѣ ея вѣрный и ярко написанный портретъ, разумѣется, главнѣйше какъ матери, что̀ для насъ особенно цѣнно. Опуская извѣстныя фактическія данныя, я передамъ здѣсь главное содержаніе замѣтки, придерживаясь возможно точно выраженій подлинника.

Каролина Ивановна осталась вдовой[3]) съ тремя малолѣтними дѣтьми (дочерью и двумя сыновьями) и посвятила себя всецѣло ихъ воспитанію. Она приняла твердое рѣшеніе жить только для своихъ дѣтей и осталась ему вѣрна до гроба. Цѣня выше всего истинное образованіе и моральное развитіе, она старалась до-

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II, стр. 292—3 и стр. 299.
2) Быть можетъ для пастора, говорившаго о ней погребальное слово.
3) Ей было тогда 38 лѣтъ.

ставить ихъ своимъ дѣтямъ и, при всей ограниченности своихъ средствъ, сумѣла устроить своихъ сыновей въ высшемъ и лучшемъ тогда воспитательномъ заведеніи (Царскосельскомъ лицеѣ). Но чтобы все-же быть всегда вблизи ихъ и мочь оказывать на нихъ вліяніе, она сама переселилась въ Царское Село и провела тамъ съ ними пять счастливыхъ лѣтъ. Она всегда была дѣятельна и поддерживала въ домѣ строгій порядокъ; была очень умѣренна и проста въ своихъ привычкахъ, непритязательна; мало требовала отъ другихъ, но сама давала имъ много.

Такою она была и въ новыхъ условіяхъ жизни, когда она съ любовью послѣдовала за старшимъ сыномъ (т. е. Я. К.) въ Финляндію, и таковою ее знали въ послѣдніе годы ея жизни въ маленькомъ дружескомъ кругу, который образовался около нея. Хотя ея матеріальныя средства были всегда очень ограничены, она все же умѣла мудрымъ хозяйничаньемъ достигать извѣстнаго благосостоянія. Ея величайшимъ наслажденіемъ, какъ она сама въ томъ сознавалась, было *давать*, дѣлиться съ другими даже тѣмъ малымъ, что она имѣла. Это сказывалось какъ въ ея всегда сердечномъ гостепріимствѣ, такъ и въ томъ, что она постоянно помогала бѣднымъ.

Никогда не умствуя на темы о загробномъ мірѣ и не напуская на себя наружнаго благочестія, она была полна дѣтской вѣры въ Бога и безгранично предана Его святой волѣ. И Господь за ея чистосердечіе взыскалъ ее своею благостью, даровавъ ей долгую безпечальную жизнь и счастье не только видѣть устроенными и счастливыми своихъ трехъ дѣтей, но еще въ послѣдніе годы пріобрѣсти любящую невѣстку и наконецъ дождаться внука[1]). Къ послѣднему она питала особую нѣжность, и въ предчувствіи своей близкой кончины не хотѣла пропустить ни одной минуты, когда могла отдаваться наблюденію за его развитіемъ. Кончина

---

1) Як. Карл. вступилъ въ бракъ съ Нат. Петр. Семеновой въ февралѣ 1850 г., а первенецъ ихъ Николай Яковлевичъ (будущій философъ) родился въ апрѣлѣ 1852 г. за 4 мѣсяца до кончины бабушки.

ея была неожиданна, ибо болѣла она очень недолго. И время и родъ ея смерти вполнѣ соотвѣтствовали ея собственному не разъ высказанному желанію — не дожить до слишкомъ глубокой старости и предшествующими долгими страданіями не быть въ тягость себѣ и другимъ. Смерти она не боялась, а послѣднія ея минуты были скрашены утѣшеніемъ религіи.

Невѣстка Каролины Ивановны дѣйствительно вполнѣ оцѣнила и полюбила ее. «По пріѣздѣ нашемъ въ Гельсингфорсъ, разсказываетъ моя мать въ своихъ «Воспоминаніяхъ», мы прямо проѣхали къ дому матери Якова Карловича, гдѣ насъ старушка встрѣтила, растроганная до слезъ, съ хлѣбомъ и солью. Я съ первой минуты отъ души полюбила ее и, чѣмъ болѣе узнавала ея горячую нѣжность къ неоцѣненному ея сыну, тѣмъ дороже она мнѣ становилась... Во всѣ три года нашей жизни съ нею ни разу не пробѣжало между нами и тѣни неудовольствія или размолвки, и мужъ часто трогательно благодарилъ меня за такія отношенія къ доброй для него матери... Наши посѣщенія маменьки такъ оживляли ея тихую однообразную жизнь, что она старалась какъ можно чаще устраивать съ нами свиданія или у насъ или у себя. Нельзя представить себѣ того радушія и удовольствія, къ какими гостепріимная старушка угощала насъ, и какой для нея былъ праздникъ, когда мы у нея обѣдали»[1]). Много данныхъ и штриховъ для характеристики Каролины Ивановны разбросано также въ многолѣтней перепискѣ ея сына съ П. А. Плетневымъ въ 1840-хъ годахъ: всѣ они могутъ только подтвердить вѣрность только-что обрисованнаго ея духовнаго образа.

Приведемъ здѣсь лишь слова о ней ея сына при сообщеніи Плетневу скорбной вѣсти о ея кончинѣ: ...«Жизнь ея была вся посвящена заботамъ о дѣтяхъ и неуклонному исполненію самыхъ святыхъ обязанностей.... При воспоминаніи всѣхъ обстоя-

1) «Изъ Семейной Хроники. Воспоминанія для дѣтей и внуковъ» Натальи Гротъ, С.-Пб. 1900, стр. 139—140.

тельствъ ея домашней жизни, при мысли о радостяхъ, которыя ей посланы были въ послѣдующіе годы, отрадное утѣшеніе сливается съ скорбью, и можно сказать, что прожить такимъ образомъ $72^1/_2$ года и до конца сохранить всю бодрость и дѣятельность есть доля завидная»[1]). «Маменька—читаемъ далѣе—своею жизнью, т. е. всѣмъ характеромъ этой жизни и всею своею духовной физіономіей оставила намъ самое святое и сладкое воспоминаніе, лучшее наслѣдство на всю жизнь. Человѣкъ такъ созданъ, что живыхъ не умѣетъ никогда оцѣнить вполнѣ; такъ и мы, какъ ни любили и какъ ни почитали ее, а теперь только поняли весь высокій смыслъ ея жизни. Въ послѣднее время она еще болѣе прежняго была участлива, добра и нѣжна. Все какъ будто устроилось, чтобы оставить намъ ея образъ въ самой полной чистотѣ и ясности»[2]).

Наконецъ, для пополненія характеристики нельзя не подчеркнуть здѣсь еще одной черты, отмѣченной ея сыномъ, которая очевидно была въ извѣстномъ смыслѣ рѣшающей, такъ сказать, провиденціальной для духовнаго развитія, направленія и судьбы ея дѣтей.

По свидѣтельству Я. К., «она, хотя и была по происхожденію нѣмка, но любила все русское и, почитая Россію своимъ единственнымъ отечествомъ, воспитала насъ въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. И она раздѣляла мысль отца, что первый языкъ дѣтей долженъ быть русскій; но и французскій и нѣмецкій мы усвоили себѣ въ ранніе годы, незамѣтно, въ семейномъ кругу, такъ что мнѣ трудно припомнить, которому изъ нихъ я научился прежде»[3]).

---

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, стр. 602.
2) Тамъ-же, стр. 610.
3) «Нѣсколько данныхъ» (С.-Пб.), стр. 53.

III.

Дѣтство Я. К. Грота.

Наши свѣдѣнія о дѣтскихъ годахъ Якова Карловича до поступленія его въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ 10-лѣтнимъ мальчикомъ, къ сожалѣнію, довольно скудны. Какой-либо семейной корреспонденціи, подобной той, о которой была рѣчь выше, отъ этихъ годовъ не сохранилось. Семья жила вмѣстѣ, а Я. И. Цизмеръ — послѣ переселенія въ Либаву — какъ разъ въ эпоху рожденія Я. К., женился, зажилъ своею особою жизнью, а года черезъ три-четыре его уже не стало. Такимъ образомъ источники наши ограничиваются кое-какими семейными документами, преданіями и главнымъ образомъ разбросанными тамъ и сямъ автобіографическими замѣтками и воспоминаніями самого Якова Карловича.

Въ эпоху самой бурно-стремительной и лихорадочной своей дѣятельности, самой упорной работы надъ собой и своимъ самосовершенствованіемъ, когда онъ наконецъ нашелъ свое настоящее призваніе и страстно отдался ему, именно въ финляндскую эпоху своей жизни (въ 1840-ые годы), онъ имѣлъ привычку, какъ впрочемъ и раньше въ годы канцелярской службы, отдавая себѣ строгій отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, побужденіяхъ и движеніяхъ ума и сердца, заносить на бумагу въ видѣ дневника или бѣглыхъ замѣтокъ свои душевныя переживанія, сознаніе прошлыхъ ошибокъ и увлеченій, суровую критику и анализъ настоящаго образа дѣйствій и настроенія, и наконецъ рѣшенія и требованія для ближайшаго будущаго. «Послѣ лицея — говоритъ Я. К. въ одномъ письмѣ къ Плетневу въ 1845 г. — нѣтъ года, отъ котораго не осталось бы у меня письменныхъ слѣдовъ тогдашнихъ моихъ занятій, помышленій и чувствъ. Признаюсь, мнѣ отрадно видѣть столько свидѣтельствъ постояннаго стремленія къ усовершенствованію себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ноетъ сердце при мысли, что не съ кѣмъ раздѣлить всѣхъ

ощущеній, возбуждаемыхъ въ душѣ образомъ своего прошедшаго!...»[1]). «Дома, по большой части—пишетъ онъ скоро затѣмъ — все еще вожусь за уборкою и просмотромъ своего архива. Какъ полезно возвращаться такимъ образомъ въ свое прошедшее, изучать свою собственную исторію! Всякій разъ при этомъ занятіи, я чувствую грусть какъ будто оплакиваю то, что изъ жизни исчезло невозвратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, видя заблужденія, обманы прошедшаго, я переношусь въ будущее, думаю: пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, я опять оглянусь на нихъ, опять найду въ нихъ то же — какъ-бы избѣжать всего, о чемъ можно тогда пожалѣть? Придетъ и такая черта жизни, откуда въ послѣдній разъ посмотришь назадъ на протекшее—какъ-бы тогда не испытать слишкомъ горькихъ сожалѣній?»[2]) «Я нахожу,— читаемъ въ другомъ мѣстѣ — что храненіе дружескихъ писемъ, своихъ журналовъ, замѣтокъ и всякихъ бумагъ, напоминающихъ обстоятельства нашей жизни, чрезвычайно полезно. Послѣ, черезъ много лѣтъ, эти слѣды прошедшаго живо возобновляютъ прежнія положенія, чувства, мысли, даютъ возможность сравнивать ихъ съ настоящимъ, повѣрять свои нынѣшнія ощущенія, и тѣмъ обогощаютъ опытность и сердце. Я это особенно ясно понималъ, разбирая нынче всѣ мои бумаги, изъ которыхъ нѣкоторыя восходятъ за время оставленія материнскаго дома. Сколько лицъ, обстоятельствъ, чувствъ, мыслей и плановъ они воскресили въ душѣ моей»[3]).

Нѣкоторая часть этихъ старыхъ дневниковъ и замѣтокъ уцѣлѣла въ бумагахъ Я. К., а очень многое изъ впечатлѣній этого самонаблюденія, изъ этихъ думъ и размышленій о настоящемъ и прошломъ попало въ эти самыя его письма къ другу П. А. Плетневу. Въ этомъ-то матеріалѣ и встрѣчаются показанія

---

1) «Переписка» съ Плетневымъ, т. II, стр. 501.
2) Тамъ-же стр. 405.
3) Тамъ-же, т. I, стр. 451.

и воспоминанія, благодаря которымъ можно заглянуть и въ эпоху его ранняго дѣтства и собрать нѣсколько чертъ его дѣтскаго характера и его развитія до 10-лѣтняго возраста.

Яковъ Карловичъ родился въ тяжелую и полную великихъ тревогъ, но и высокаго подъёма народнаго духа, годину русской жизни, впрочемъ уже въ моментъ полнаго торжества русскаго оружія надъ непріятелемъ и его изгнанія изъ предѣловъ Россіи, 15-го декабря 1812 г. въ Петербургѣ (по словамъ Я. К., гдѣ-то по Садовой ул.). Въ его метрическомъ свидѣтельствѣ значится, что въ этотъ день у надворнаго совѣтника Карла Христіана Грота и его законной жены Каролины, рожденной Цизмеръ, родился сынъ Яковъ, что онъ былъ крещенъ 6-го января 1813 г. и воспріемниками при томъ были колежскій совѣтникъ Цизмеръ (т. е. дядя Я. К., Яковъ Ивановичъ), въ честь котораго онъ и былъ окрещенъ Яковомъ, и полковница Е. Ф.- Энгельгардтъ. Вѣроятно это была тоже родственница — изъ семьи матери Карла Ефимовича, рожденной Энгельгардтъ.

Среди разныхъ дневниковъ и автобіографическихъ замѣтокъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, о которыхъ упоминалось выше, сохранились между прочимъ листки съ набросками конспекта цѣлой автобіографіи, относящимися именно къ рожденію и первымъ годамъ дѣтства. Тутъ имѣется даже начало (нѣсколько строкъ) самой автобіографіи съ заглавіемъ «Глава I-ая. Первые 10 лѣтъ».

Вотъ эти строки: «Я родился 15-го декабря 1812 года, день славный въ Русской исторіи, потому что считается днемъ окончательнаго изгнанія французовъ изъ Россіи. Я былъ ребенкомъ слабымъ. Тётка моя, Е. И. Цизмеръ, замѣтила, увидѣвъ меня, что мнѣ не быть долговѣчнымъ. На 5-мъ году стала обнаруживаться во мнѣ охота къ ученію. Поднимая съ полу всякій писанный лоскутокъ, я съ помощью маменьки разбиралъ его...». На другомъ листкѣ находимъ такіе наброски конспекта (противъ даты рожденія): «Во время беременности опасенія отъ французовъ — продажа серебра — Петрозаводскъ — рожденіе — ху-

дощавость — «недолговѣченъ» — въ Садовой, домъ...». Далѣе: «Смутныя воспоминанія: прогулки въ Лѣтнемъ Саду — розги — Θёкла — нѣжность и плаксивость — любовь къ животнымъ: голуби; — болѣзнь старшаго брата — смерть его — живость воспоминаній — макароны — черная женщина». Наконецъ по поводу внезапной потери отца Я. К. (объяснявшій слабость воспоминаній объ этомъ бо́льшей своей близостью къ матери) отмѣчаетъ: «дѣйствіе материнской нѣжности — вліяніе ранней потери отца на все развитіе — тѣсность окружающаго міра — неучастіе къ постороннему — незнакомство съ жизнью...».

Вотъ и все содержаніе этихъ набросковъ довольно любопытныхъ и при всей своей лаконичности. Въ какой духовной обстановкѣ и атмосферѣ протекали годы ранняго домашняго воспитанія Я. К., достаточно видно изъ представленной уже выше характеристики его семейнаго круга и родителей, въ особенности матери, всецѣло отдавшейся воспитанію дѣтей. Моральныя условія послѣдняго были несомнѣнно самыя благопріятныя, и силою этихъ раннихъ вліяній были конечно значительно ослаблены вредныя дѣйствія отрицательныхъ сторонъ и недочетовъ послѣдующаго лицейскаго воспитанія, тѣмъ болѣе, что домашнее вліяніе не вполнѣ прекратилось и въ этотъ періодъ. Я. К. впослѣдствіи, вспоминая дѣтство, говорилъ о медленности и тугости своего развитія въ юные годы, но онъ разумѣлъ тутъ конечно только развитіе умственное, медленное обогащеніе ума положительными знаніями, а моральныя основы его послѣдующаго духовнаго роста были несомнѣнно заложены въ немъ въ дѣтскіе годы, въ домашней средѣ, и онъ не могъ впослѣдствіи не сознавать этого, ибо къ этой области примѣнимо особенно высказанное имъ какъ-то однажды (въ письмѣ къ другу) сужденіе, что «въ сферѣ образованія человѣкъ до того возраста, когда онъ начинаетъ мыслить и дѣйствовать самобытно, совершенно зависитъ отъ общества, въ которомъ живетъ, что изъ этой окружающей его атмосферы онъ почерпаетъ всю свою ду-

ховную жизнь, а извѣстно, какъ запасъ, полученный въ юности, важенъ для всей жизни...»[1]).

Однакожъ, если имѣютъ огромное значеніе въ жизни и развитіи человѣка духовная среда и обстановка его первоначальнаго воспитанія, то этимъ не умаляется первенствующая роль и дѣйствіе его природныхъ задатковъ и способностей, его прирожденныхъ свойствъ характера и организаціи, его наклонностей и предрасположеній, которыя обнаруживаются въ ребенкѣ обыкновенно очень рано; эти-то черты характера, когда онъ, достигнувъ сознательнаго возраста, вступаетъ въ водоворотъ жизни, опредѣляетъ свои цѣли, свой жизненный путь и свои идеалы, оказываютъ сильнѣйшее, часто рѣшающее вліяніе на направленіе его судьбы и его развитія, то облегчая ему, то часто крайне затрудняя осуществленіе его стремленій.

Поэтому для насъ такъ и драгоцѣнны показанія и свидѣтельства о дѣтскомъ возрастѣ и дѣтскомъ характерѣ Я. К. Они намъ бросаютъ свѣтъ на дальнѣйшіе фазы его развитія, на процессъ его послѣдующаго самовоспитанія и работы надъ собой въ молодые и даже зрѣлые годы.

Сгруппируемъ же здѣсь эти свидѣтельства, которыя и безъ помощи особыхъ коментаріевъ могутъ обрисовать достаточно полно и ярко дѣтскій образъ Якова Карловича до его поступленія въ учебное заведеніе, да въ извѣстной мѣрѣ и въ годы его ученія въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Яковъ Карловичъ, при своемъ всегдашнемъ стремленіи къ самопознанію и наклонности къ самоанализу, долженъ былъ, конечно, самъ интересоваться своимъ дѣтствомъ, а потому естественно не только онъ внимательно слушалъ, но вѣроятно и выспрашивалъ свою маменьку о своемъ ребяческомъ возрастѣ, и этой-то его любознательности, какъ и экспансивности передъ другомъ, мы и обязаны сохраненіемъ этихъ любопытныхъ для насъ показаній.

---

1) «Переписка» съ Плетневымъ, т. III, стр. 320.

Изъ нихъ явствуетъ, что преобладающими чертами характера или темперамента Я. К. въ дѣтствѣ были чрезвычайная живость, рѣзвость и впечатлительность, горячность, вспыльчивость и нетерпѣливость, а вмѣстѣ доброта и мягкость сердца, нѣжность и чувствительность, переходившая даже въ плаксивость, что̀ однакожъ не мѣшало веселости нрава, большой смѣшливости и шаловливости.

Въ одномъ письмѣ къ Плетневу въ 1845 г. Я. К., посылая свой дневникъ, сообщаетъ о своихъ прогулкахъ съ матерью. На одной такой прогулкѣ «маменька, говоритъ онъ, разсказывала мнѣ о моемъ дѣтствѣ. Вотъ нѣкоторыя черты:

«Я любилъ ее нѣжнѣе всѣхъ другихъ дѣтей. Когда отецъ бралъ меня на руки, я начиналъ бить ногами и кричалъ: «я хочу къ маменькѣ». Когда она уходила со двора, я былъ неутѣшенъ отъ безпокойства и тоски, рыдалъ, прислонялся головой къ подушкѣ стула и засыпалъ: въ такомъ положеніи она заставала меня по возвращеніи. Когда она днемъ закрывала глаза, чтобъ подремать, я умолялъ ее: «откройте глаза», боясь, что она умретъ, и стараясь удалить даже всякую мысль о возможности этого: воображеніе мое было тогда сильно поражено смертію старшаго брата Александра, котораго я видѣлъ покойникомъ. Итакъ, чувствительность и плаксивость были двѣ главныя черты моего характера въ дѣтствѣ. Я былъ нелюдимъ: когда кто-нибудь приходилъ, я со слезами кричалъ: «гости пришли», объясняя горе свое тѣмъ, что *маменька со мной не будетъ играть*, и иногда уползая подъ стулъ. И послѣ, любя занятія, рисуя, клея, выдумывая разныя надписи и т. п., я часто просилъ *не ходить въ гости, потому что дома веселье*. Я былъ большой лакомка, даже жаденъ; однакожъ, когда намъ дарили деньги, я не покупалъ себѣ сластей, а только просилъ у Розы и Кости (т. е. сестры и брата) удѣлить часть того, что они себѣ купили; самъ же говорилъ, что «это слишкомъ дорого; стану я на это тратить деньги». Когда меня звали къ ужину, я спрашивалъ: есть ли пироги или каша? и когда говорили, что нѣтъ, то продолжалъ свою работу, отказываясь отъ ужина. Двухъ лѣтъ я совершенно свободно говорилъ

по-русски; когда у насъ гостила тётка (по отцу), то мы слышали нѣмецкій языкъ и непримѣтно выучились ему. По-французски маменька при насъ часто разговаривала съ своей старшей сестрой; мы любили ихъ передразнивать, произнося въ носъ выдуманные звуки. Разъ маменька и тётка, готовя сестрѣ сюрпризъ къ именинамъ, говорили при мнѣ по-французски, чтобъ я ихъ не понялъ. Онѣ чрезвычайно удивились, когда я на другой день объявилъ имъ, что знаю, о чемъ онѣ говорили,—хотятъ подарить сестрѣ ножницы и наперстокъ. Шести лѣтъ маменька начала меня учить читать, но я не показывалъ большой охоты сидѣть за уроками; оттого для маменьки былъ большой сюрпризъ, когда я поднялъ съ полу бумажку и началъ разбирать ее; повторивъ нѣсколько разъ тотъ же опытъ, я скоро превзошелъ ея ожиданія. Лѣтъ трехъ я получилъ подругу въ играхъ, маленькую Θёклу, дочь купленной въ домъ крѣпостной женщины Василисы. Скоро я такъ подружился съ этой дѣвочкой, что когда она надолго уходила, я и по ней плакалъ, какъ по маменькѣ».[1])

«Что касается до воспоминаній о дѣтствѣ моемъ, продолжаетъ Я. К. въ слѣдующемъ письмѣ, то надобно въ дополненіе сказать и о нѣкоторыхъ дурныхъ качествахъ, напримѣръ жадности, отъ которой я не разъ бывалъ боленъ, и вспыльчивости, которая, при малѣйшемъ противорѣчіи, заставляла меня поднимать руку и не щадить моихъ товарищей. Но послѣ всякаго такого выраженія гнѣва слѣдовало самое умильное раскаяніе, заставлявшее меня часто бросаться къ ногамъ и со слезами просить прощенія у того, кого я обидѣлъ. Вообще я былъ нетерпѣливо страстенъ въ желаніяхъ: захотѣвъ чего-нибудь, не давалъ покоя домашнимъ, пока не буду удовлетворенъ, и показывалъ особенную живость въ принятіи впечатлѣній: когда обманывались наши дѣтскія надежды несостоявшеюся прогулкою или другимъ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, другіе слегка жалѣли, — я плакалъ неутѣшно. Животныхъ любилъ необыкновенно. Когда мы переѣзжали съ

1) «Переписка», т. II, стр. 506—507.

Крестовскаго, гдѣ одинъ годъ провели лѣто, я умолялъ, чтобы взяли съ собой въ городъ двухъ привязавшихся ко мнѣ собакъ. Мы садились въ лодку,—онѣ стояли на берегу; мои просьбы остались тщетными; я рыдалъ, какъ будто о потерѣ человѣка.... Вообще дѣтство мое богато трогательными для меня воспоминаніями». [1])

Живость, впечатлительность и склонность къ увлеченію сильно сказывались въ характерѣ Я. К. и впослѣдствіи, особенно въ періодъ кипучей молодости съ ея порывами и пылкими стремленіями, и Я. К. старался обуздывать ихъ, поскольку эти свойства мѣшали, особенно въ началѣ его ученаго поприща, сосредоточенію, уравновѣшенности и постоянству его въ занятіяхъ. Въ его замѣткахъ и письмахъ не разъ встрѣчаются на это указанія. Однажды въ 1840 г. онъ приписываетъ даже свою склонность къ заболѣваньямъ (простудамъ) этой чертѣ своей легкой возбуждаемости и страстности. Для поправленія здоровья, говоритъ онъ, «нужны года и главное флегма, которой у меня нѣтъ. Когда я работаю и даже гуляю, я постоянно бываю въ искуственно-лихорадочномъ состояніи, отъ волненія крови, встревоженной работою ума или по крайней мѣрѣ души». [2])

Что касается чувствительности Я. К., то и это свойство характера не покидало его до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ. Сильныя и глубокія чувства горя, обиды, раскаянья, овладѣвая имъ, находили себѣ исходъ у него въ обильныхъ слезахъ, не только въ юности, но даже еще и въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ самъ не разъ сознается въ этой своей слабости. Достаточно вспомнить исторію пережитыхъ имъ непріятностей въ началѣ его профессорства въ Гельсингфорсѣ. [3]).

---

1) «Переписка». II, стр. 513—514.

2) Тамъ-же, I, стр. 182.

3) «Переписка», т. 1, стр. 320. По поводу его разсказа обо всемъ испытанномъ имъ, доведшимъ его до слезъ, Плетневъ замѣчаетъ: «хорошо, что ты уже отплакалъ. Теперь ты начнешь дѣйствовать. Помнишь, какъ ты плакалъ и передъ переѣздомъ въ Гельсингфорсъ?». Тамъ-же, стр. 328.

То обстоятельство, что воспоминанія дѣтства всегда были такъ ярки въ душѣ Я. К., объясняется несомнѣнно его нѣжной дѣтской впечатлительносью и пылкимъ воображеніемъ. Этой яркости и живучести дѣтскихъ впѣчатлѣній и образовъ онъ самъ приписываетъ свое умѣнье переноситься въ дѣтскій возрастъ и писать для него.

Въ 1840-ые годы, въ Финляндскую эпоху своей жизни, онъ пробовалъ свои силы въ дѣтской литературѣ, и его стихи и проза для дѣтей, имѣвшіе и позже всегда не малый успѣхъ, печатались въ «Звѣздочкѣ» А. О. Ишимовой, а также изданы были и особымъ сборникомъ. Вотъ что онъ самъ писалъ Плетневу по поводу одобрительныхъ его отзывовъ; здѣсь также особенно для насъ цѣнны его дѣтскія воспоминанія: «Тебѣ нравится то, что я пишу для дѣтей. Но мнѣ кажется, что всякій, кто *былъ* ребенкомъ, долженъ бы умѣть такъ-же писать. Въ дѣтствѣ воображеніе такъ живо, впечатлѣнія такъ сильны, что врѣзываются на всю жизнь, и все, что я теперь мараю, не что иное, какъ повтореніе собственныхъ ощущеній. Тогда-то я, какъ вѣроятно и всѣ дѣти, былъ истиннымъ поэтомъ. Боже мой! какой рай прекрасныхъ чувствъ и понятій тогда разцвѣталъ въ душѣ моей! И все, что я тогда узнавалъ и чувствовалъ, тѣмъ сильнѣе оживляется въ памяти моей, чѣмъ я далѣе иду въ жизни. Это доказываетъ глубокую поэзію дѣтства; надобно пройти отрочество и большую часть юности, чтобы достигнуть сознанія этой поэзіи, чтобы мужемъ, полнымъ человѣкомъ, вновь пережить утро своей жизни, когда душа еще жила общею жизнію всей природы. Все, что я тогда читалъ, всѣ книжные герои, которые тогда волновали ребяческую душу, во всей своей прелести живутъ въ моемъ воспоминаніи. Даже нѣкоторыя картинки неизгладимо остаются въ немъ. Всего прочнѣе тѣ образы, которые трогали сердце. Я часто дивлюсь, какъ живо дѣтское воображеніе: всѣ происшествія и лица, которыя я тогда узнавалъ, рисовались въ душѣ, какъ-будто дѣйствительно виданныя. Оттого я и чувствовалъ такую страсть къ рисованію, что самоучкой выучился довольно

порядочно срисовывать и разцвѣчивать красками предметы съ натуры. Изъ книгъ, читанныхъ тогда (т. е., въ первомъ дѣтствѣ), особенно помню «Дѣтскую библіотеку» (кажется, такъ) Шишкова. Это свидѣтельствуетъ въ пользу книги...»[1])

Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣтской чувствительной душѣ Я. К. занимали не послѣднее мѣсто и религіозныя представленія и ощущенія, безсознательно воспринимавшіяся отъ окружающихъ, отъ матери прежде всего, и получившія дальнѣйшее развитіе въ юношествѣ. Объ этомъ онъ и самъ свидѣтельствовалъ. Такъ въ той-же перепискѣ онъ дѣлится съ другомъ своими религіозными воспоминаніями лицейскаго времени[2]).

Но если въ жизни сердца и чувствъ, а также воображенія, Я. К. развился сравнительно рано, то не такимъ-же быстрымъ темпомъ шло развитіе его ума и природной любознательности, расширеніе умственнаго кругозора и учебные успѣхи. Для такого развитія всѣ задатки имѣлись на лицо, но очевидно въ домашней обстановкѣ и условіяхъ жизни крылись причины его замедлявшія. Безъ сомнѣнія ихъ слѣдуетъ искать въ ранней потерѣ отца, въ исключительно женскихъ рукахъ, въ которыя перешло воспитаніе, быть можетъ въ недостаткѣ системы и опредѣленной программы ученія, въ плохихъ учителяхъ, а особенно въ слишкомъ узкой и замкнутой сферѣ домашней жизни и интересовъ. Эти неблагопріятныя для умственнаго развитія условія очевидно разумѣетъ и самъ Я. К., отмѣчая въ выше приведенномъ нами автобіографическомъ конспектѣ такія обстоятельства, какъ «вліяніе ранней потери отца на все развитіе — тѣсность окружающаго міра — неучастіе къ постороннему — незна-

---

1) Тамъ-же, I, стр. 492—93. Это былъ русскій переводъ А. С. Шишкова нѣмецкой «Дѣтской библіотеки» Кампе, пользовавшейся въ свое время большимъ успѣхомъ.

2) Тамъ-же, II, стр. 704. Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ о пребываніи въ лицеѣ, онъ говоритъ о вліяніи пастора Авенаріуса на его нравственное и религіозное развитіе, *которому хорошее основаніе положено было въ родительскомъ домѣ.* Срв. «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ», стр. 9.

комство съ жизнью. . .». Объ этомъ онъ упоминаетъ и въ своей автобіографіи. На эту же черту своего нравственнаго воспитанія онъ указываетъ впослѣдствіи и въ своей перепискѣ съ другомъ—по поводу своихъ ученыхъ занятій и своей умственной подготовки въ юные годы, которую онъ всегда считалъ не соотвѣтствовавшею его призванію.

Когда П. А. Плетневъ говорилъ ему о своемъ крайне позднемъ развитіи, и, не смотря на свое старшинство на 20 лѣтъ, утверждалъ, что «ты-де въ человѣчномъ отношеніи старѣе меня», Я. К. отвѣчалъ ему слѣдующее:

«Такъ же, какъ ты, и я началъ поздно жить; или лучше: я началъ рано, ибо былъ счастливъ ребенкомъ, но тогда я былъ въ состояніи полудикости (до того, что прятался подъ стулъ, когда входилъ незнакомый); въ мальчикѣ во мнѣ понятія развивались медленно и трудно, если исключить языки; кромѣ литературы въ самомъ поверхностномъ смыслѣ, никакая наука незанимала меня и въ лицеѣ. Послѣ выпуска я долго продолжалъ быть мальчикомъ; но по мѣрѣ того, какъ служба болѣе и болѣе становилась мнѣ противною, а склонность къ наукѣ усиливалась, — разъяснялись въ этой борьбѣ понятія и пробуждалась жизнь сердечная. Наконецъ Финляндія дала мнѣ толчокъ, отъ котораго все, что еще спало во мнѣ, проснулось. Итакъ, не полагай, будто я старше тебя духомъ, но, пожалуй, я согласенъ признать тебя ровесникомъ. . .»[1]).

Въ другомъ мѣстѣ Я. К., разбирая причины недостаточности своихъ успѣховъ въ наукахъ въ юные годы, находитъ, что этими причинами были: «съ одной стороны плохіе преподаватели, дурные учебники и ложное направленіе при воспитаніи, которое было чуждо убѣжденія въ необходимости положительныхъ знаній, а съ другой стороны, особенности моей духовной натуры и комплекціи, которая всегда отвращалась отъ знаній, предла-

1) «Переписка», I, стр. 504.

гаемыхъ ей либо поверхностно, либо въ хаотическомъ видѣ, либо не во время. И умъ мой развивался, кажется, такъ медленно, что въ молодые годы еще вовсе не интересовался знаніями самыми привлекательными для зрѣлаго ума»[1]). «Я живо чувствую, продолжаетъ онъ, какъ мое воспитаніе вовсе не соотвѣтствовало моему назначенію: еслибъ я рано попалъ въ руки хорошихъ наставниковъ, и потомъ, получивъ основательное элементарное образованіе, поступилъ въ какой-нибудь, хоть напримѣръ германскій университетъ, тогда я могъ бы теперь быть писателемъ (писано въ 1847 г.). Но вмѣсто того я началъ учиться собственно только съ того времени, когда другіе кончаютъ, да и то почти наперекоръ обстоятельствамъ, безпрестанно принужденный побѣждать различныя препятствія...»[2]). Здѣсь конечно Я. К. говоритъ о недостаткахъ и пробѣлахъ главнымъ образомъ своего лицейскаго образованія. Но до нѣкоторой степени тутъ играли роль и узкія рамки домашней подготовки, которыя не могли не отразиться и на дальнѣйшемъ ходѣ умственнаго развитія; все это не помѣшало однако Я. К. съ большими успѣхами проходить учебные курсы лицейскаго пансіона и лицея, и блестяще кончить послѣдній первымъ воспитанникомъ: такъ въ сущности ограниченъ и не сложенъ былъ курсовый объемъ лицейскаго ученія. Свое самообразованіе, внушенное сознаніемъ этой ограниченности и жаждой къ расширенію знаній, Я. К. началъ уже однако на лицейской скамьѣ.

Объ учебномъ заведеніи для Я. К. зашла рѣчь, когда ему минуло 10 лѣтъ. Объ этомъ и поступленіи въ лицейскій пансіонъ онъ такъ разсказываетъ въ своей автобіографіи.

«До 10-лѣтняго возраста маменька воспитывала меня дома, частью сама, частью нанимая учителей изъ своихъ скудныхъ средствъ. Рѣзвость мальчика и требованіе болѣе серіозныхъ уро-

1) «Переписка», III, стр. 63.
2) Тамъ-же, стр. 64.

ковъ побудило ее подумать о помѣщеніи насъ — меня и младшаго брата моего Константина — на казенный счетъ въ лучшее общественное заведеніе того времени, Царскосельскій лицей. Надежда моей матери основывалась на томъ, что покойный отецъ мой былъ лично извѣстенъ въ дѣтствѣ императору, и эта надежда оправдалась... Прошеніе на имя императора Александра Павловича, очень искусно написанное на французскомъ языкѣ служившимъ въ иностранной коллегіи барономъ Остенъ-Сакеномъ [1]), зятемъ директора лицея Е. А. Энгельгардта, было милостиво принято Государемъ, и 16 января 1823 года я поступилъ въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ. Мать сама отвезла меня туда. Это была первая моя разлука съ нею. Мнѣ только-что минуло 10 лѣтъ. Можно представить себѣ, какъ я былъ потрясенъ этой внезапной перемѣной въ судьбѣ моей. Двое сутокъ я плакалъ непрерывно, сперва въ квартирѣ инспектора Ф. О. Нумерса, а потомъ между товарищами, и долго еще, какъ только мнѣ приходилось читать вслухъ или отвѣчать, слезы задушали мой голосъ при неотвязчивой мысли о родительскомъ домѣ...».

Въ своемъ прошеніи къ Государю [2]) К. И. Гротъ, вспоминая прежнія благодѣянія монарха, а именно назначеніе ей довольно значительной по краткости службы мужа пенсіи, представляетъ обстоятельства, заставляющія ее еще разъ прибѣгнуть къ монаршей милости, — а именно невозможность дать сыновьямъ своимъ дома желательное образованіе.

«...Daigner, Sire (читаемъ далѣе) achever Votre ouvrage, en protégeant encore aujourd'hui ces pauvres orphelins, comme Vous les avez protégé depuis le moment où ils ont eu le malheur de perdre leur père... Si je désire de préférence les voir placés à la pension du Lycée, c'est qu'ils sont l'un et l'autre d'une constitution et d'une santé trop délicates pour que je puisse les vouer au ser-

1) Бар. Романъ Ѳедоровичъ, отецъ почтеннѣйшаго ученаго и государственнаго дѣятеля бар. Ѳед. Ром. Остенъ-Сакена.

2) Черновая его сохранилась.

vice militaire et que par cette raison je tiendrais surtout à ce qu'ils fussent formés pour la carrière civile. Ils seraient ainsi rendus dignes de servir un jour leur Souverain et leur patrie; ils apprendraient à remplir lés devoirs sacrés que leur imposent les bienfaits de V. M. I. et dont je ne cesse de leur faire comprendre toute l'étendue. . .».

На это прошеніе послѣдовало увѣдомленіе отъ Начальника Главнаго Штаба Е. В. отъ 7 сентября 1822 г. изъ Вѣны, гдѣ въ то время находился Государь Александръ Павловичъ проѣздомъ на конгрессъ въ Верону:

«Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества имѣетъ честь увѣдомить Госпожу Коллежскую Совѣтницу Гротъ, что Государь Императоръ, снисходя на просьбу ея, Высочайше повелѣть соизволилъ старшаго ея сына помѣстить на казенный счетъ въ Пансіонъ Царскосельскаго лицея, о чемъ отъ него сообщено кому слѣдуетъ»[1]).

1) О своемъ пребываніи въ пансіонѣ и лицеѣ Я. К. довольно обстоятельно разсказываетъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ и въ статьяхъ о Царскосельскомъ лицеѣ. Срв. наше изданіе «Пушкинскій Лицей», С.-Пб., 1911, стр. 415—443.

Въ книжныхъ магазинахъ продаются еще слѣдующія книги изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1896 г., три тома, цѣна 3 р. томъ.

Труды Я. К. Грота. (каждый томъ продается отдѣльно):

I. Изъ Скандинавскаго и Финскаго міра. Спб. 1898 г., цѣна 3 р.

II. Филологическія Разысканія. Спб. 1899 г., цѣна 3 р.

III. Очерки изъ исторіи русской литературы. Спб. 1901 г., цѣна 3 р.

IV. Изъ Русской исторіи. Спб. 1901 г., цѣна 3 р.

V. Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Спб. 1903 г., цѣна 3 р.

«Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ». Спб. 1895 г. Цѣна 1 р.

Я. К. Гротъ. Стихи и проза для дѣтей, Спб. 1891 г. (Складъ обѣихъ книгъ въ книжномъ магазинѣ И. Глазунова).

Фритіофъ, Скандинавскій витязь, поэма Тегнера, переводъ Я. К. Грота, 3-ье изд. Спб. 1898 г., цѣна 75 к.

Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Я. К. Грота., Спб. 1899 г., цѣна 1 р. 25 к.

Русское правописаніе, руководство, составл. Я. К. Гротомъ по порученію II Отд. Импер. Акад. Наукъ, 20-е изд. Спб. 1912 г., цѣна 60 к. (Складъ только въ книжномъ магазинѣ Суворина).

Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи. Сборникъ статей, подъ ред. Моск. Психол. Общества (съ портретомъ и біографіей автора). Спб. 1904 г., цѣна 2 р.

«Н. Я. Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей». Спб. 1911 г., цѣна 2 р. 50 к.

К. Я. Гротъ., «Пушкинскій лицей» (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб. 1911 г., ц. 2 р. 50 к.